

АНДРЕЙ ИВАСЕНКО

ПРОЕКТ «СФИНКС»

Они ближе, чем мы думаем

МУЖСКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

«КРЫЛОВ»

Андрей Ивасенко
Проект «Сфинкс»

«Крылов»

2014

Ивасенко А.

Проект «Сфинкс» / А. Ивасенко — «Крылов», 2014

ISBN 978-5-4226-0243-8

Осень 1946 года. Фашистская Германия давно подписала капитуляцию, Адольф Гитлер мертв, а по всему миру идет охота за последними нацистами. В далеком антарктическом бункере ученые Третьего рейха готовят новое «оружие возмездия». Сыворотка, созданная ими на основе ДНК инопланетного существа, найденного во льдах, способна изменить не только ход истории, но и самих людей. Однако генетический эксперимент выходит из-под контроля. И нечто кошмарное вырывается на свободу, грозя уничтожить человечество как вид. Схватка заканчивается не в пользу людей, но некоторым из них все-таки удастся выжить и покинуть базу «Черное Солнце», «закупорив» взрывами все входы-выходы из подземелья, наполненного жуткими мутантами. Проходят годы, а мир по-прежнему не догадывается, что был на грани полного биологического коллапса. В наши дни внук одного из уцелевших немецких ученых попадает в экспедицию, созданную для окончательной «зачистки» секретной базы, и вместе с остальными ее участниками бросает вызов затаившемуся Злу. Удастся ли им предотвратить катастрофу? Столкновение неизбежно...

ISBN 978-5-4226-0243-8

© Ивасенко А., 2014

© Крылов, 2014

Содержание

1. Пробуждение зверя	6
2. Воронов	23
3. Крысы	30
4. Исповедь барона	42
5. Мертвецы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Ивасенко

Проект «Сфинкс»

© Ивасенко А., 2013

© ИК «Крылов», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

1. Пробуждение зверя

Октябрь 1946 года. Антарктида.

Секретная подземная база «Черное Солнце».

Бункер промерз насквозь. Скорее, это был даже не бункер, а огромная холодильная камера – двадцать метров в длину, восемнадцать в ширину, пять в высоту; со всех сторон покрытая панцирем двенадцатимиллиметровой листовой брони поверх каменных стен, пола и потолка; ни одного окна, лишь проем тоннеля, ведущий к мощной стальной двери.

Система охлаждения нагнетала ледяное дыхание в помещение, покрывая его мерцающими кристаллами инея. Ее монотонный гул глушил подобно колокольному звону и отдавался эхом в съеденном темнотой тоннеле.

«Какая глупость! – думал Ганс Вайгель, поеживаясь и поглядывая по сторонам. – Что я здесь делаю, черт меня подери...»

Из рта солдата шел пар. Он чувствовал себя так, словно на него надели смирительную рубашку и уложили в ванну, наполненную талой водой вперемешку со льдом. Холод, острым ножом, медленно проникал через одежду, пробирая до костей, вонзаясь иглами все глубже и глубже в каждую клетку онемевшего мозга. Постепенно сознание заволакивала пелена, и оно начинало отказываться воспринимать окружающую реальность.

Мысли шли отрывками.

Время то сжималось, то тянулось, как резина.

У Вайгеля возникало ощущение, как будто он попал в странный, чужой сон. Знакомый его подсознанию мир словно перенесло в совершенно иную реальность – неизведанный темный дом с множеством закрытых дверей и сторонних звуков.

Солдат не стоял на месте, а постоянно передвигался возле невысокой железнодорожной платформы с открытыми бортами. При каждом шаге сапоги издавали противный скрип, подошвы прилипали к полу. Разминая пальцы рук через трехпалые дубленые рукавицы, периодически похлопывая себя по груди и плечам, Вайгель пытался немного разогнать кровь и согреться. Но спустя некоторое время сознание опять-таки утрачивало ясность в мягкой волне полудремы – мысли словно тонули, растворялись. Бодрая поступь вновь превращалась в вялое шарканье ног.

Вайгель старался не смотреть на то, что находилось внутри большой кубической емкости, стоящей на платформе. Покрытый изморозью, почти доверху заполненный льдом, саркофаг поблескивал гранями толстых бронированных стекол, точно гигантский бриллиант. Но вопросы, время от времени, сами по себе будоражили разум Ганса.

Что, черт возьми, взбрело ему в голову и пригнало сюда?

Что он, в самом деле, здесь делает?

Что заставило его приблизиться к этому странному месту, в котором волей-неволей ощущался необъяснимый страх, от которого замирало и холодело сердце?

Вайгель вспомнил, как Гюнтер Зуфферт смаковал невероятную историю об ожившем монстре. Глядя на него, честно говоря, можно было решить, что человек страдает расстройством психики, находясь за последней чертой алкоголизма. Да и кто бы поверил в ТАКОЕ?

В казарме люди делились разными былями и небылицами – годилось все что угодно, лишь бы скоротать свободное время и забыть о тяготах жизни в этом отдаленном от цивилизации месте, успевшем всем порядком надоесть из-за своего унылого однообразия. Каждый из них лишь изредка мог увидеть клочок полярного неба и бескрайнюю снежную пустыню – на поверхность разрешали выходить раз в месяц, да и то ненадолго. А Гюнтер Зуфферт всегда был кладезем всяких веселых и пикантных историй, развеивал скуку. Но в тот день его рассказ

никого не позабавил, а скорее озадачил большинство присутствующих. Говорящее чудовище? От такого могла бы удивиться даже рыба. В нелепую страшилку никто не поверил. Над Зуффертом посмеялись и, дружески похлопав по плечу, разошлись, оставив того в полном смятии. Он кричал им вслед: «Вы все очень скоро об этом пожалеете! Слышите?!» Но на его слова уже никто не обращал внимания – кроме Ганса, решившего поставить выдумщика на место.

«За кого он нас принимает? Неужели этот распутивший нюни идиот действительно возомнил, что перед ним находятся не солдаты из отборной части СС, а трусливые мальчишки, готовые от любого шороха наложить в штаны?» – подумал тогда Ганс. И рассмеялся прямо ему в лицо, будто кошмары Гюнтера были самой смешной вещью, которую он когда-либо слышал.

Гюнтер вскочил – лицо вспыхнуло от негодования, глаза буравили ухмыляющегося Вайгеля. Короткая словесная перепалка закончилась тем, что Зуфферт предложил насмешнику пари: сходить самому полюбоваться на жуткую тварь и побыть рядом с ней хоть пару часов наедине. Выставив на кон бутылку ямайского рома, он потребовал у своего оппонента губную гармонику, с которой последний не расставался на протяжении пяти лет. Гармоника, подаренная Гансу отцом перед началом русской компании, была для него своеобразным талисманом. Об этом знали все, кто служил в роте охраны. А Гюнтер, разумеется, полагал, что Ганс непременно пойдет на попятную, не желая лишиться родительского подарка в случае неудачи. И, по мнению Вайгеля, тут же раскусившего хитрый замысел Гюнтера, пытался выиграть спор на его привязанности к этой, казалось бы, обыкновенной среди солдат вещице.

Однако Ганс проявил твердость характера, изобразив на лице нарочитое безразличие. Он не отступился от своих слов и решил отстоять собственное мнение, не желая выглядеть в глазах товарищей пустословом, а тем более жалким трусом. С неподдельным азартом он согласился на все условия – ударили по рукам, скрепив соглашение...

Изначально, там, в казарме, глупый спор показался Гансу сущим пустяком, но все же, прежде чем заступить в караул на этот пост, ему довелось провести долгую и беспокойную ночь. А теперь, очутившись в адской морозилке, солдат понимал: поступок был слишком опрометчив. Пыл азарта от, казалось бы, легкого пари почти сразу покинул его, едва он переступил порог бункера. Волна тревоги, возникшая где-то в подсознании, тут же смыла спокойствие и всякое желание здесь находиться. Вайгеля переполняло непонятное ощущение, расходившееся по телу, как круги по воде, становясь нестерпимым. Что-то должно было случиться – в этом он не сомневался. И это «что-то» должно произойти именно сегодня, с ним, именно сейчас.

«Чертов Гюнтер! Во что он меня втянул?! Бутылка рома – неплохо, да. А если кто шепнет о нашем пари Штольцу? Доносчиков везде хватает. Что тогда? Хотя, вероятнее всего, вся рота уже успела сделать на нас с Зуффертом ставки и теперь им не выгодно развязывать языки», – в который раз раздраженно думал Ганс, пытаясь успокоиться. Однако невольное сравнение своего положения с положением подопытной крысы, посаженной в крутящийся барабан с лотерейными билетами, крепко засело в его мозгах. Оно не отпускало, не покидало ни на минуту, накатывая, как приступы тошноты.

Комендант базы обладал суровым характером и наказывал за малейшие нарушения дисциплины. Без его личного присутствия никто не имел права заходить внутрь бункера. Вайгель прекрасно это знал. И понимал: затеянная авантюра, в лучшем случае, могла обернуться длительным заключением в карцер, в котором частыми гостями были вездесущие крысы. Одна мысль об этих мерзких, копошащихся и повизгивающих тварях вызывала у Ганса отвращение.

Солдат остановился, поежился, приподнял меховой воротник куртки и посмотрел на саркофаг.

Сквозь бронестекла, покрытые наледью, едва просматривались неясные, расплывчатые очертания, в которых с трудом угадывалось какое-то растекшееся зеленое существо, схожее с кляксой.

– Ты давно уже сдохло, мать твою, – зло процедил сквозь зубы Вайгель, делая ударение на каждом слове. «А твой дружок Гюнтер не получит мою гармонику, пусть даже не надеется», – мысленно завершил фразу солдат, и по его лицу расплзлась злорадная ухмылка.

Ганс попытался направить течение мыслей на что-нибудь более приятное, взять себя в руки. Рассудок и здравый смысл подсказывали ему, что никаких говорящих монстров не должно существовать, но леденящая уверенность приближающейся опасности почему-то не оставляла, перерастая из смутного беспокойства в бесформенный страх.

Вайгель достал из кармана часы «Минерва», открыл на «луковице» крышку и посмотрел на циферблат: до окончания оговоренного при заключении пари времени оставалось пятнадцать минут.

«Скоро очередная смена караула, осталось чуть больше часа. Нужно вовремя успеть покинуть бункер, чтобы этого не заметил офицер. Потом – теплая казарма и бутылка душистого рома. Зуфферт проиграл. Определенно проиграл», – подогрел себя радужной мыслью Ганс, но облегчения не почувствовал. Тряхнул головой, спрятал часы в карман и принял решение: «Зачем откладывать то, что давно ищет выход и становится вопросом самоуважения? Стоит ли бояться этого замороженного дерьма? Надо сделать всего лишь один шаг – раз и навсегда разрушить притаившуюся в подсознании боязнь!»

Он решительно подошел к саркофагу, протер рукавицей обледенелую поверхность стекла. Прильнул к нему лицом и тут же резко отшатнулся. Из рта Ганса вырвался низкий захлебывающий звук. Шершавый язык страха облизал его внутренности.

На него смотрели два выпуклых желтых глаза с продолговатыми черными зрачками и зияющая бездна хищного оскала – пасть, покрытая рядами острых клыков, готовая разорвать и поглотить любого, кто окажется на пути.

– Что за... – голос солдата заметно дрогнул, лицо сковала маска отвращения и ужаса, будто оживший мертвец схватил его за голову обеими руками. – Ну и уродина...

Отблески разума в глазах существа имели мало общего с его явно звериной природой. Ганс мог поклясться на чем угодно – в этих глазах что-то жило, что-то таилось.

Сердце Ганса несколько раз скакнуло, как необъезженный жеребец, едва не вырвавшись из грудной клетки. Спина и руки покрылись гусиными пупырышками, а кожа на затылке натянулась, как на барабане.

Чертыхнувшись, Ганс резко отвернулся. И тут сердце так сильно сжалось, что он даже испугался – как бы не умереть. Закрыв глаза и тяжело дыша, он немного постоял, пытаясь изгнать из себя накотивший страх.

Солдат тряхнул головой. Открыв глаза, он с удивлением осознал: панический страх немного отступил. И почувствовал неожиданный прилив сил и странную безмятежность. Как будто мантия ледяного спокойствия окутала его.

Ганс обернулся и протянул непослушную руку к саркофагу – к страшным выпученным глазам, к страшным клыкам. Коснулся ледяной поверхности стекла, почувствовав костяшками пальцев исходящий от него холод даже через кожу и мех рукавицы. И стукнул.

Сначала один раз.

Осторожно. Негромко.

Затем постучал сильнее, будто отбивал какой-то условный сигнал.

Мгновение – и глаза существа ожили: узкие зрачки неожиданно начали расширяться, словно попав в темноту, и в их зеркально-черной бездне вспыхнул огонь лютой ненависти.

Вайгель не успел отвести взгляд в сторону.

Слишком поздно.

Мир превратился в расплывчатую, туманную карусель: перед его глазами все поплыло, завертелось, закружилось. Потерялось чувство ориентации, словно он попал в какой-то водоворот необъяснимого хаоса, из которого нет выхода. Потом голову пронзила адская боль, ско-

вавшая тело дрожащей судорогой. Казалось, в мозги насыпали дюжину острых гвоздей и хорошенько встряхнули – фееричный коктейль нечеловеческих страданий. В желудке появилась тяжесть, и кишки скрутило тугим узлом. Скорчившись, солдат упал на колени и выронил маузеровский карабин. Его тут же стошнило на пол.

Проблевавшись, Вайгель с трудом поднялся на ноги, снял перчатки, и, словно в замедленном сне, неуверенно поднес руки к лицу, не понимая, что с ним происходит. Даже не заметил, как обмочился.

Им овладело ощущение какой-то нереальности происходящего, всей этой липкой необъяснимой жути, в существование которой сознание отказывалось верить. Время словно замерло и остановилось. Как будто реалии двух разделенных миров, наделенные безграничной силой, сошлись вместе, коснулись его и открыли перед ним неизвестный проход.

Ганс поднял оружие и, пошатываясь, попятился к выходу, пытаясь на ходу передернуть затвор карабина. Мозг продолжал колотить по стенкам черепа, словно взбесившийся молоток. Ноги едва держали, став ватными.

– Убью, тебя, сука! – отчаянно запричитал он дрожащим голосом. Страх разбавился беспомощной злостью. – Убью, тварь! Убью! Убью! Убью!

Наконец рукоять затвора заняла нужное положение. Солдат остановился, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Острый боек пробил капсюль патрона, воспламенив заряд, и пуля, пройдя спиральную нарезку ствола, с грохотом вырвалась наружу. Она с жадностью вонзилась в цель, но бронестекло оказалось ей не по зубам – на поверхности осталось лишь жалкое белое пятнышко. Вайгель будто не заметил этого. Передергивая затворную рукоятку, произвел еще несколько выстрелов, пока из ствольной коробки не выскочил опустевший магазин.

Выбоины от пуль расползлись по стеклу как маленькие насекомые, но в целом саркофаг остался невредим.

Когда сизый туман пороховых газов рассеялся, Ганс ощутил, что пульсирующая боль почти прекратилась, оставив легкое головокружение, тошноту и неясную пустоту. Окутала слабость – мягкая, как утренний сон.

Солдат глухо застонал и снова упал на колени. Силы покидали его.

Наступила тишина. Гнетущая, давящая, словно неподъемный груз, она с каждым ударом пульса погружала мир окружающих звуков в нечто чуждое и странное. Сквозь эту пелену Ганс отчетливо услышал неразборчивое и отрывистое бормотание, будто какой-то заика поселился в голове. Какофония, как эхо, прозвучала в глубине его подсознания и поглотила разум, становясь все незаметней и незаметней. Чужая воля растекалась по ровной глади человеческого сознания...

* * *

Лаборатория была оборудована по последним прогрессивным технологиям. На многочисленных столах находились различные микроскопы, анализаторы, спектрометры и прочие замысловатые приборы, в назначении которых мог разобраться только посвященный. Возле столов стояли небольшие стульчики с подвижными сидениями и телескопическими подъемными механизмами. Полки алюминиевых стеллажей были густо заставлены разнообразными сосудами: пробирками, ретортами, колбами – пустыми и чем-то наполненными, с наглухо закупоренными пробками. Везде царила стерильная чистота, освещенная множеством лампочек, свет которых отражался от водянисто-зеленой кафельной плитки стен и полов. И лишь красно-белый флаг с черной свастикой по центру, свисавший от потолка до пола, нарушал гармонию этого храма науки.

Над экспериментальным столом склонились двое мужчин в белых халатах и шапочках.

Один из них был брюнетом с небольшой проседью на висках. Высокого роста, с широкими плечами и крепкими руками. На первый взгляд определить его возраст было сложно – сорок, может, чуть больше; правильные черты лица, нос с небольшой горбинкой. В его серо-голубых глазах светилась смелость и сила характера, и лишь глубокая складка между бровей выдавала испытываемое на данный момент волнение.

Другой – пожилой толстяк маленького роста с короткой стриженной бородой, выглядивавшей из-под марлевой повязки – неподвижно сидел на стуле. Его лукавые глаза, почти скрывавшиеся под тяжелыми веками, были одновременно и проницательны и бесстрастны. Этакая помесь хорька и греющейся на солнце ящерицы. Минуту назад он капнул какую-то мутную жидкость из мензурки на стеклышко, сунул в микроскоп, подкрутил кремальеру и теперь наблюдал за происходящим через окуляр.

Толстяк оторвал взгляд от микроскопа, снял повязку с лица и трясущимся пальцем поправил очки в золотой оправе.

– Это... это просто поразительно, Эрих... – медленно, запинаясь на каждом слове, проговорил он. Приподняв шапочку и вытерев тыльной стороной ладони испарину на лбу, толстяк продолжил с нескрываемым восторгом: – Я, честно говоря, и не надеялся, что нам удастся сделать это. Сплошная полоса неудач меня чуть с ума не свела... Но я верил! – Он поднял руку и пророчески потряс указательным пальцем в воздухе. – Всегда верил, что наши усилия не пропадут даром!

– Я тоже в это верил, господин профессор, – скромно ответил брюнет. – Но, к сожалению, все долгие годы наших исследований, заводившие в тупик проект «Сфинкс», мы заблуждались. Я перечеркнул почти все сделанное ранее, и пошел иным путем. Прошу прощения за соблюдение инкогнито в моей работе, но я должен был все тщательно проверить, прежде чем показать вам результаты своих опытов. К счастью, удача мне улыбнулась, и они оказались положительными.

Профессор Майер нахмурился и демонстративно почесал подбородок. Он всегда так делал, выражая недовольство. После недолгого молчания, слегка хлопнув ладонью по столу, он сказал:

– Ладно! Никто не застрахован от ошибок! К чертям ваши извинения, доктор, и инкогнито – к чертям! У каждого творца свои инструменты: у дьявола – огонь, у бога – свет. Но, в общем – это одни и те же сгустки энергии... Когда началась активация молекул? Аберрация¹ от норм не наблюдалась?

– Уже пятые сутки, – немного смущенно ответил доктор Фогель. Ему почему-то стало стыдно за свою неоправданную скрытность и недоверие к коллеге и наставнику. – О каких-либо отклонениях в их развитии пока рано судить...

– Так-так, – сказал с потеряннным видом Майер и подпер голову руками. – Пять дней как мир изменился, а я узнаю об этом только сейчас. Это непозволительный поступок для ученого, Эрих. Согласны?

Доктор виновато опустил голову, вздохнул, хотел что-то сказать, но профессор опередил:

– Непозволительный для хорошего ученого, но допустимый для гения, каковым вы и являетесь! – По лицу толстяка расплзлась благодушная улыбка. – Молодые всегда смотрят на мир с вершины холодного утеса, на который они вскарабкиваются без усталости, не то, что мы, старики, привыкшие греться дома у камина, рассуждая о материи издали.

У Фогеля от сердца отлегло – похвала означала примирение: когда дело касалось работы, Майер крайне редко рассыпался в любезностях. Сейчас Эрих, наверно, стал похож на воспавшего духом мальчика, которому отец неожиданно-негаданно дал деньги на мороженое.

¹ Аберрация (от лат. Aberrare – заблудиться, отклониться), в биологии – всякое небольшое отклонение от нормального строения в организме.

– Ну, а теперь, – продолжил Майер, – объясните, как вам удалось добиться синтеза?

– Мы с вами уже давно изучаем молекулярную биологию... – степенно ответил доктор и медленно, со значением добавил: – Однако профессор Гольд еще в двадцатых годах заострял больше внимания на защитных функциях организма, а не на строении его двойной спирали телесной мельницы.

– Эрих, я и слышать не хочу о негодяе Гольде! – воскликнул профессор, будто отмахнувшись от назойливой мухи. Брови ученого нахмурились. – И причем здесь иммунология и его исследования? Мы с вами настоящие ученые, а он – предатель и выскочка! Евреи всегда тянут на себя одеяло.

– Тем не менее, именно они сейчас обеспечивают прогресс цивилизации. – Фогель слегка улыбнулся. – Да и вы, профессор, когда-то дружили с Гольдом и не уделяли особого внимания к его национальной принадлежности.

– Замолчите, Эрих... – Майер нервно закусил губу. – Я не нацист, если вы имеете в виду этот аспект моих убеждений. Давайте говорить по делу. В образцах, которые мы извлекали из существа, не было обнаружено никаких генетических расстройств, опухолей и вирусов. Оно идеально! Достаточно было выделить из клеточного ядра определенные хромосомы, соединить их с хромосомами человека и получить совершенно новый вид. Зачем, скажите, ему потом понадобится его прежний убогий иммунитет, если с таким хромосомным набором он победит все болезни, преждевременную старость и станет сверхсильным, сверхвыносливым?! Люди уподобятся древним богам!

– Сейчас, профессор, вы рассуждаете, как Штольц, – почесав кончик носа, добродушно заметил Фогель.

Лицо профессора скривилось при упоминании о коменданте базы.

Доктор порывлся в лежащих на соседнем столе бумагах и протянул один из листов Майеру:

– Вот, ознакомьтесь еще раз с копией отчета исследований месячной давности. Здесь указано: клетка из образца существа стала оживать даже после ее частичного размораживания, и начинала интенсивно делиться. И это не смотря на то, что организм пролежал во льдах с доисторических времен.

– Я знаком с этим документом. – Майер отложил в сторону лист бумаги.

– Но ведь раньше это происходило лишь после полного размораживания и не так быстро! – воскликнул Фогель, прищутив глаза. – На меня посыпались вопросы: «Почему это происходит? Почему мы не наблюдали этого ранее? Что произошло с организмом и заставило его так резко ускорить регенерацию?» Ответ один: организм существа обладает способностью обучаться и постоянно совершенствует свою иммунную систему.

– Теория неплохая, Эрих, но слишком уж притянута за уши, – недоверчиво заметил профессор. – Почему же в таком случае не происходил синтез? Разве чужеродному организму не интересно устройство нашего организма? Да и само существо в саркофаге абсолютно не изменилось...

– Да, так и есть. Но организм существа, словно губка, впитывает лишь нужную информацию, способную повысить его биологический уровень. При введении его хромосом в ядро клетки человека, ничего подобного не происходило – деление прекращалось и все инородное обоюдно отторгалось. Согласитесь, ситуация патовая, как в шахматах. Клетка не хотела подставлять своего «ферзя» под удар. Это и заводило нас в тупик. Да, мы пытались уменьшить эту реакцию клеток при помощи рентгеновского облучения и химии. Но тогда они мутировали в хаотическом порядке и после непродолжительной трансформации погибали, генетически не воспринимая чужеродную информацию и борясь с ней всеми доступными методами. Тогда я и понял, что нельзя уничтожать реакции иммунитета на посторонние тела – они просто не должны быть распознаны и признаны чужеродными и вредными. Для этого они хотя бы частично должны быть построены из эволюционно знакомых для иммунных механизмов моле-

кул и признаки чужеродности должны быть записаны, так сказать, земным шрифтом. Представьте, профессор, если бы вместо знакомого латинского шрифта нам подсунули китайские иероглифы? Мы не смогли бы прочитать текст и выбросили бы его в мусорную корзину. Но, если нас обучить этому, то текст будет нам понятен, и мы его прочитаем. То же самое должно происходить и с клеткой!

– Я не совсем понимаю вас, Эрих... – стушевался Майер.

Фогель замолчал, посмотрел прямо в глаза профессора и, словно боялся, что кто-то еще может его услышать, спросил тихим вкрадчивым голосом:

– Скажите, профессор, а вы уверены, что существо не попало на нашу планету извне?

По лицу Майера пробежала тень недоумения. Он заморгал глазами, сглотнул слюну.

– Простите... откуда... извне?... Инопланетянин?... Неужели вы думаете, что оно попало к нам с Марса? Я, честно говоря, удивлен вашим фантазиям. Нам ведь ясно объяснили, что это доисторический ящер. Разве не так?

– Это не фантазия, господин профессор, – твердо ответил Фогель. – Я провел еще кое-какие исследования.

– Ох уж эта ваша самостоятельность, – с обидой проговорил профессор, снова почесав подбородок. – Ладно, придется привыкать к этому. Я слушаю вас.

– Комендант явно что-то скрыл от нас, – тихо произнес доктор, бросив мимолетный взгляд на дверь. – Я сделал анализ льда, и он показал, что ему не больше трех лет. Трех! А ведь оно, как нам сказали, было найдено в глыбе льда, находившейся на глубине более десятка метров. Это сотни тысяч лет! А то и больше. Как и когда, думаете, существо поместили в саркофаг? Я – знаю. Его разморозили, не полностью, а затем и уложили в саркофаг, залив водой и снова заморозив. Вот как! Невольно возникают вопросы: почему, с какой целью это сделали?

– Это техническая сторона вопроса, Эрих. И с этим фактом я столкнулся раньше вас, однако решил не заострять на нем внимания. Как его поместили в ледяной кубик, меня мало интересует. Давайте лучше поговорим о внеземном происхождении существа. Почему вы думаете, что это марсианин?

– Профессор, отчего вы так заикнулись на Марсе?! Вселенная огромна, и подозреваю, что существо даже не из Солнечной системы! Думаю, оно попало к нам с какой-нибудь очень-очень далекой планеты. В этом и заключались неудачи всех наших предыдущих исследований. Разница в структурах ДНК не играла серьезной роли для синтеза белков, так как молекулы имеют очень похожее химическое строение. Дело в том, что любой земной организм построен на основе левовращающих соединений белковых аминокислот, а у этого организма они правовращающие. Это я и обнаружил.

Густые брови Майера, как две букашки-альбиноса, поползли вверх.

– Да! Да! – продолжал доктор. – Чужая жизнь, разнящаяся от нашей всего лишь вращением плоскости поляризованного света. Всего лишь! Это и вызывало отторжение – чужеродный организм не принимал информацию. Его эволюция совершенней, чем наша. Оно биологически не могло утрачивать свою индивидуальность, смешиваясь с более отсталым видом! Для него это означало бы стерилизацию собственной генетической памяти. Мы многократно пытались изменить кое-что в этом организме, а затем связать некоторые пары его хромосом с хромосомами человека, ожидая фантастических результатов. Но у нас ничего не выходило... И я понял причину. Нужен был всего лишь связующий компонент.

– И вы создали его? – поинтересовался Майер. В его голосе вновь проскользнула тень сомнения вперемешку с нескрываемым интересом. – Вы разработали новую методику отделения хроматина от ДНК без его повреждения и создали специальный раствор для реакции белков человека с ДНК существа? Да?

– Да. Я создал буфер², который «обманывает» белки человеческого хроматина: они начинают распознавать чужую ДНК, как свою, и связываются с ней, образуя хромосомы, абсолютно неотличимые от человеческих для клеточных систем синтеза. Биологический барьер разрушился. Теперь человеческий организм не может отвергать информацию чужеродной ДНК. Клетка читает ее, и геном существа делится своими знаниями. Результат очевиден. Вы сами только что в этом убедились.

Профессор встал и крепко стиснул руками плечи доктора.

– Поздравляю, коллега! – воскликнул он и, после короткой паузы, продолжил: – Ваше гениальное открытие приведет к значительному сдвигу во всей теории эволюции! Предоставит человечеству новый выбор, укажет путь к неограниченным возможностям! – Ученый лукаво подмигнул доктору. – Думаю, благодаря вашей научной хватке и моему зрелому опыту вскоре появятся совершенно новые люди! Вы создали эликсир бессмертия, Эрих! Нужно немедленно доложить об успехе Штольцу и начинать опыты над животными в инкубаторе питомника.

– С этим не стоит торопиться, – задумчиво произнес Фогель. – Сейчас мы видим лишь вершину айсберга, но ничего не знаем о его основании. Это опасно. Генетический код существа – это тот же ящик Пандоры, открыв его, мы, возможно, выпустим на волю демонов, с которыми потом не сможем совладать.

Майер отпустил плечи доктора и скорчил нарочито-горестную гримасу:

– О чем вы, Эрих?..

– Боюсь, комендант Штольц не будет ждать окончания наших долгих и скрупулезных исследований, а также пытаться анализировать их возможные отрицательные последствия для организма человека. Вероятнее всего, он начнет эксперименты не с крыс, да и не с вашего примата-любимца...

На лице Майера застыл вопрос:

– Простите, коллега, неужели вы думаете, что...

– Да, – подтвердил Фогель. – Уверен. На почетную роль подопытных кроликов он выберет своих головорезов... Интересы рейха направлены не на сотворение добра, а на создание «оружия возмездия». Представьте себе солдата, обладающего подобными способностями! С ним не сравнится ни один танк! Ведь речь идет о таких способностях, владение которыми делает человека совершенно иным существом – внешне, возможно, оно и будет выглядеть, как человек, но, по сути, им уже не будет...

– К чему вы клоните, Эрих?

– Знаете, лучше подальше убирать спички от детей, пока они не наделали беды. Огонь должен давать тепло и свет, а не сжигать и уничтожать тех, кто у него греется. Своей неосторожностью мы можем ввергнуть мир в хаос.

– Но детей можно научить обращаться со спичками, – выразил свое мнение Майер. – Или сделать так, чтобы они боялись к ним прикасаться до поры до времени, выработав в них новый стереотип поведения. Покажите ребенку зажженную спичку и скажите, что он ослепнет, если, допустим, будет смотреть на нее. Или же сера может пропитать кожу и отравить его, если он хотя бы прикоснется к спичке. И, поверьте, ребенок больше никогда не возьмет ее в руки, пока не подрастет и осознает, что его обманули ради его же блага.

– Ваш новый стереотип поведения – это страх, – возразил Фогель. – А это, поверьте, не самое лучшее чувство, которое должны испытывать дети при знакомстве с окружающим миром. Страх – не панацея от плохих поступков, а та же боль, которая со временем ожесточает. Лучше уж осторожность и своевременность, чем беспечность и страх.

² Буферные растворы (англ. buffer, от buff – смягчать удар) – растворы с определенной устойчивой концентрацией водородных ионов.

Профессор Майер прокашлялся в кулак, но ничего не ответил. Это не понравилось Фогелю. Он заметил, что эйфория профессора куда-то улетучилась и сменилась замешательством. Так обычно выглядят люди, которые скрывают свои замыслы и не знают, с чего начать их воплощение.

Майер потер пальцами виски и, вздохнув, сказал:

– Ваши доводы меня не слишком убедили, Эрих. Ну да ладно. Если б так думали наши далекие предки, то мы до сих пор бы носили грузы на плечах, а не пользовались таким прекрасным изобретением как колесо. Человечество оценивает результаты, но не сам процесс. Даже нравственный фактор может привести к безнравственному результату. Но это – тоже прогресс.

Фогель хмыкнул.

В воздухе повисла тишина.

– Я мог бы ознакомиться с вашими последними исследованиями? – неожиданно задал вопрос Майер.

– Нет, – немного резко ответил Фогель. – Документально я ничего не сохранял. Вся информация здесь. – Ученый легонько постучал двумя пальцами возле виска. – Кстати, мне понадобятся еще образцы существа, желательно из его головного мозга. Это ускорит нашу работу.

– Хорошо, Эрих, – согласился профессор. – Правда, сделать такое будет непросто. Я уже пытался просверлить черепную коробку, но структура костной ткани оказалась крепче любой стали. Сверла от трения сгорали и лопались. Хотя... У меня есть одна идея, только она вряд ли понравится Штольцу.

– Плевать на Штольца – что за идея? – резко спросил доктор.

– Через глазное яблоко или же пасть к мозгу никак не добраться – мешают кости и многочисленные клыки. Можно воспользоваться старым и проверенным методом, который применяли древние египтяне при мумифицировании: они вытягивали мозги животных и людей через носовое отверстие. Вот только не знаю, как это объяснить коменданту. Прежде к телу существа я добирался сверху через откидную крышку саркофага, а теперь придется нарушить его целостность, демонтировав одно из боковых стекол, на что он вряд ли согласится.

– Варианты?

Майер пожал плечами.

– Над этим нужно подумать. Ну а пока, действительно, проведем опыты над животными и, если трансформация пойдет ненормально, то понадобится вакцина, способная устранить мутацию. Доложить наверх всегда успеем.

Профессор тяжело вздохнул, усмехнулся:

– Да уж. Наверх... разве что богу.

– Я не Бога имел в виду. Он явно будет не на нашей стороне.

– Я уже два года нахожусь в этом подземелье, Эрих. Так и одичать недолго... Как бы я хотел каждый день видеть солнце, встречать его восход и провожать закат, походить босыми ногами по росистой траве... Я ведь родом из Баварии, Эрих. Вы были когда-нибудь в тех краях? Нет? Это самое прекрасное место на свете! Стоит выйти, втянуть носом воздух, особенно перед летней грозой, и все вокруг тебя оживает.

Майер мечтательно прикрыл глаза.

– Не переживайте, профессор, увидите вы и солнце, и зеленую травку, – успокоил его Фогель. – И пиво с колбасой. Если все сложится удачно, то мое открытие поможет нам вернуться домой. А пока лучше держать язык за зубами и продолжать усердно работать.

– Что вы задумали, Эрих? – не на шутку обеспокоился профессор.

Доктор заговорщицки подмигнул.

– Не тревожьтесь, господин профессор. Вы все узнаете. Всему свое время, – уклончиво ответил он. – Надеюсь, я могу рассчитывать на вашу поддержку и помощь?

Ученый не успел ответить – в этот момент послышался вой сирены, приглушенный толстой бронированной дверью.

* * *

Гюнтер Зуфферт прохаживался около входа в бункер. Периодически подходил к воротам, останавливался и прислушивался. Бесплезное занятие! Даже если б там, внутри, взорвался паровой котел, то здесь это прозвучало бы как хлопок лампочки, не выдержавшей скачка напряжения: шумоизоляция гасила практически все звуки.

Тишина, окружавшая Гюнтера, противно звенела в ушах, действуя на нервы.

Постояв очередной раз возле массивных ворот, он засучил край рукава куртки и посмотрел на циферблат часов. Светящаяся стрелка «Фесты» почти вплотную приблизилась к арабской «десятке», минутная – нетерпеливо попевала за ней.

– Вот дерьмо! – проворчал Гюнтер и со злостью сплюнул на бетонный пол. Сомнения уступили место раздражению.

«Неужели Ганс до сих пор ничего не услышал, не ощутил? Монстр уснул там что ли? Почему тварь не реагирует на него? Неужели я действительно свихнулся и не заметил этого?» – эти мысли непрерывно пережевывались его мозгом.

После событий, случившихся с Зуффертом неделю назад, Гюнтер снова и снова прокручивал все в голове, мысленно возвращаясь к ним и лихорадочно ища выход из сложившейся ситуации.

Да, над ним посмеялись и приняли за чокнутого (прочитал на их лицах), но он-то знал, что это – правда. «Пусть так, – думал Гюнтер, – лишь бы поскорей оказаться подальше от мерзкой твари. Если Вайгель подтвердит мои слова, то, скорее всего, меня комиссуют по душевной болезни и переведут на какую-нибудь хозяйственную службу. Оно и к лучшему».

Чтобы хоть как-то отвлечься, эсэсовец мысленно расчертил пол на клетки и стал ходить по ним как по шахматной доске, переступая через рельсы узкоколейки. Бестолковое занятие, но почему-то успокаивало и помогало коротать время...

Шаг... еще шаг... поворот налево...

Минутная стрелка дрогнула – еще один маленький шаг вперед.

Шаг... поворот направо...

Гюнтеру вдруг стало нехорошо: мозг начал учащенно биться, странные болевые импульсы распространялись по всему телу. Попытался осмыслить происходящее, но что-то мешало ему это сделать.

Неужели?.. – хотелось кричать, но что-то останавливало.

От ужаса перехватило дыхание, и слюна застряла в горле.

Боль... Она хорошо запомнилась ему еще с прошлого раза, когда он самовольно проник внутрь бункера.

Стрелка замерла на цифре «10», слегка дрогнула и перешагнула ее.

– О Боже! О-о-о. Нет!.. Только не это... – прохрипел солдат.

Он сбросил каску, сорвал шерстяной подшлемник и, зажав голову обеими руками, начал ее массировать, будто пытаясь убаюкать.

Боль мерно нарастала и становилась просто нестерпимой. Словно зубья циркулярной пилы, она въедалась все глубже и глубже.

Зуфферт снова захотел кричать что было силы, но звук увяз где-то в диафрагме.

Раздался прерывистый рев сирены, от которого волосы зашевелились и встали дыбом.

Солдат обреченно замычал, мотая головой. Его сознание будто разорвало надвое.

Под сводом тоннеля красными гирляндами замигали плафоны аварийного освещения.

Крик отчаяния и безумного ужаса прорвался неожиданно, но Гюнтеру показалось, что кричал не он, а кто-то другой.

Ища путь к спасению, солдат в два прыжка достиг стальной решетки, отделявшей тоннель от бункера, и попробовал открыть замок. Однако ключ выпал из непослушной руки, звякнул обо что-то металлическое и отлетел в сторону. Он попытался его найти, но окружавшие Гюнтера предметы начали трюиться в глазах, возвращаясь на свое место и снова распадаясь на фрагменты, как в калейдоскопе. Сознание шло ко дну, точно тонущий в пучине корабль...

...Когда Зуфферт очнулся, в барабанных перепонках раздавались странные булькающие хлопки.

Сирена молчала.

Освещения практически не было – спирали ламп накаливания едва тлели.

Где-то вдалеке слышались чьи-то торопливые шаги.

Он поднялся, оперся руками на решетку и замер, всматриваясь в темное чрево туннеля. Из его глубины к солдату приближались какие-то неясные тени.

Гюнтер облизнул пересохшие губы, передернул затвор «шмайссера» и прицелился. Палец резко надавил на спусковую скобу – полосы трассеров веером рассыпались по туннелю. От грохота выстрелов заложило в ушах. Где-то заискрились поврежденные пулями электрокабели.

Один из призрачных силуэтов остановился, как будто наткнувшись на невидимую преграду, и, взмахнув руками, упал.

В ответ хлестнули выстрелы сразу из нескольких оружейных стволов. Вспышки ослепили Зуфферта. В его глаза словно вонзились тысячи маленьких иголок. Он зажмурился и почувствовал как раскаленный свинец, разрывая в клочья одежду, проникает в его грудную клетку и брюшную полость, ломая ребра и кроша позвонки. Лоб обожгло, и кровь обильно залила левый глаз.

Пронзила боль одновременно все тело. По нему растекалось что-то теплое, липкое и пахучее.

Гюнтер знал этот запах.

Так пахла кровь. Его кровь.

Захрипев, Зуфферт уткнулся головой в решетку и, судорожно цепляясь за нее руками, сполз на пол. Там и остался лежать в луже собственной крови, струившейся из многочисленных ран и выходившей изо рта, точно пузырящаяся красная жвачка.

* * *

Вой сирены захлебнулся столь же неожиданно, как и начался.

Ученые облегченно выдохнули.

– Безобразие! – возмутился Майер, немного придя в себя. – Если у них снова учебная тревога, то я отказываюсь работать в таких невыносимых условиях! У меня слабое сердце и очень чувствительный слух. Пусть тогда сами изучают молекулярную биологию и проводят сложные опыты, а я возьму в руки оружие и буду бегать с ним взад-вперед, как оголтелый солдафон! Я буду жаловаться!

– Кому? – без тени иронии спросил Эрих. – Для Штольца любая жалоба, касающаяся его военных развлечений, как конфета в обертке. Он призовет вас проявить стойкость духа истинного арийца, а то и просто проигнорирует.

Майер досадливо хмыкнул и покачал головой, но с таким доводом согласился.

Фогель подошел к двери, ведущей в коридор третьего уровня, и посмотрел в специальный глазок с широкоугольным объективом. Коридор был пуст. Значит, решил Эрих, действи-

тельно что-то случилось: охрана могла покидать пост лишь в случае угрозы нападения, занимая оборону возле шахты лифта и межуровневого лестничного марша.

Доктор прокрутил колесо, похожее на штурвал, и вручную приоткрыл дверь.

– Эй! – позвал он.

Никто не ответил.

– Охрана!

Снова тишина.

Фогель закрыл дверь и вернулся к профессору.

– Странно... – задумчиво проговорил он. – Охрана не на месте, да и сирена звучала слишком долго – не похоже на учебную тревогу. Что-то все-таки произошло...

Доктор не успел закончить фразу – на коммутаторе внутренней связи замигала лампочка, и раздался зуммер звонка.

Майер подошел к телефонному аппарату, щелкнул тумблером на панели коммутатора и снял трубку с рычага.

– Что у вас там происходит? Вы мешаете работать! – с негодованием начал он и тут же умолк – в трубке зашуршало: кто-то на другом конце провода ему что-то пояснил. Лицо профессора приобрело заинтересованный вид. Свободной рукой он почесал бороду. После короткой паузы положил трубку и, наморщив лоб, поправил рукой сползшие с носа очки.

– Штольц? – поинтересовался Фогель.

– Да, – кисло ответил Майер. – Я им кто – целитель душ?.. У них там люди с ума сходят, но чем я-то могу помочь?.. Сказал, чтоб мы тепло оделись и ждали – за нами скоро зайдут.

* * *

Ученые переодевались в молчании. Они знали, куда им надлежало идти, и это их сильно беспокоило. К чему такая спешка? Что могло произойти в бункере?

Едва облачившись в теплые свитера, шубы, штаны и шапки, они почувствовали, что вспотели. Лаборатория отапливалась круглосуточно – в отличие от других помещений базы здесь было жарко даже в медицинском халате.

Профессор Майер пыхтел и кряхтел, натягивая фетровые сапоги – в такие моменты избыточный вес и вредные привычки давали о себе знать. Фогелю пришлось ему помочь.

– Спасибо, – скупно поблагодарил Майер и покосился на входную дверь.

Загудел электропривод. Дверь, дрогнув, со скрипом и скрежетом откатилась по направляющим в сторону.

В лабораторию вошли трое: человек в волчьей шубе, накинутой поверх черного мундира, и два эсэсовца в зимней униформе.

Человека в шубе звали Отто Йоганн Штольц. Он был комендантом базы в чине штандартенфюрера СС, что соответствовало званию полковника в сухопутных войсках Вермахта. На вид ему было не больше шестидесяти. Совершенно седой, с короткими фюрерскими усиками на смуглом широконосом лице – он никак не соответствовал эталону «истинного арийца». Орденов Штольц не носил, довольствуясь лишь одним Рыцарским крестом на подвязке, когда-то врученным ему самим Гитлером. Слегка кривоногий, с короткими руками, медлительный, тучный, он производил впечатление добряка, но взгляд его серых стальных глаз говорил об ином. На одном из его пальцев всегда красовалось кольцо «Мертвая голова»³.

Солдаты встали по сторонам возле входа, а комендант подошел к ученым.

Сейчас, в шубах, они напоминали двух котов, замерших перед хозяином: сытых, вымытых, причесанных и поглядывающих умными глазами.

³ Кольцо «Мертвая голова» – персональный наградной знак, выдаваемый лично Генрихом Гиммлером членам СС.

– Следуйте за нами, господа, – без прелюдий произнес Штольц и, заметив, что профессор хочет задать вопрос, добавил: – Узнаете все на месте – это нужно видеть своими глазами. Надеюсь, вам удастся прояснить сложившуюся ситуацию.

Ученые молча направились к выходу из лаборатории.

Дверь медленно закрылась за их спинами.

* * *

Грузовая клеть, будто тяжелая птица, медленно опускалась на четвертый уровень. Перед глазами находящихся в ней людей проплывала железобетонная обрешетка шахтного ствола, напоминавшая внутренности огромного червя.

Профессор Майер не любил замкнутых пространств, вызывающих у него приступы клаустрофобии, и с облегчением выдохнул, когда клеть коснулась пружинных амортизаторов и, покачавшись, остановилась.

Один из сопровождавших эсэсовцев открыл засов и, распахнув двухстворчатые дверцы, выпустил остальных людей из клетки.

Они прошли в просторное помещение с высоким сводом, похожее на ремонтный узел железнодорожной станции, в котором находились несколько вагонеток, два электровоза, лебедки, дрезина и козловой подъемный кран. Здесь же располагался и пост охраны в составе восьми солдат и офицера, укрывшихся за грудой сложенных друг на друга камней. Из одной бойницы этого оборонительного сооружения выглядывал ствол крупнокалиберного станкового пулемета.

Заметив коменданта, молодцеватый унтер-штурмфюрер⁴ спешно подбежал к нему. Звонко щелкнув каблуками, он вскинул вверх правую руку, поприветствовав Штольца на древнеримский манер. «Хайль Гитлер!» здесь почти никогда произносили, разве что в тех случаях, когда на базу прибывал кто-нибудь из бонз Третьего рейха, а после смерти самого фюрера подобное приветствие вообще стало архаизмом.

– Зиг хайль! – звонко выкрикнул унтер-штурмфюрер и отчеканил доклад: – Господин штандартенфюрер, электрики прибыли и уже приступили к работе!

Комендант поморщился, небрежно махнув рукой, и хмуро приказал:

– Готовьте дрезину.

– Яволь! – Офицер козырнул и побежал исполнять приказ, позвав на помощь одного из своих солдат.

Через минуту дизельный двигатель зафыркал и протяжно загудел. Дрезина, груженная людьми, плавно тронулась с места и въехала в основной тоннель, раздвигая мглу лучом прожектора.

Тоннель встретил их затхлым воздухом и гулкой пустотой. Через сто метров дрезина свернула в тупиковый отвод, осветив перепугано-возмущенные лица прижавшихся к стене электромонтеров, и остановилась неподалеку от массивной металлической решетки.

Один из эсэсовцев соскочил с дрезины и откинул от борта лесенку, по которой спустились комендант и ученые.

Едва ступив на бетонный пол, они почувствовали едкую смесь запахов: переработанного дизтоплива, паленой резины и чего-то еще. Под ногами попадались стреляные гильзы. Доктор Фогель с недвусмысленным вопросом на лице посмотрел на профессора, но тот лишь растерянно поднял брови и пожал плечами.

Что-то нагнетало уныние и тревогу в этом месте, будто они стояли на краю свежевырытой могилы. И эта мрачная интуиция их не обманула.

⁴ Унтер-штурмфюрер – лейтенант войск СС в фашистской Германии.

Рядом с решеткой лежали два неподвижных тела в камуфляжной униформе, прикрытые брезентом. Перепачканная кровью прорезиненная ткань уже успела стать коричневой. От трупов исходил приторно-сладкий запах крови и тошнотворная вонь – как на скотобойне возле свежевыпотрошенных животных.

Фогель отвернулся, сглотнув кислый комок отвращения, а профессор Майер с приоткрытым ртом попятился назад – один из эсэсовцев тут же взял его под руку и вернул на место.

Комендант, бросив беглый взгляд на мертвые тела, прошел вперед и остановился возле часового, о чем-то его спросив. Заметив замешкавшихся у решетки ученых, Штольц жестом пригласил их войти внутрь бункера, приказав охране остаться у входа.

– Не бойтесь, профессор, – сказал комендант, когда Майер проходил мимо него. – Мертвецы не кусаются и не причиняют никому вреда... Как, впрочем, и пользы... Прошу, господа, прошу...

Если б тогда он мог знать, что подобное легкомысленное убеждение по поводу мертвецов окажется ошибочным, то никогда не произнес бы этих слов.

* * *

Бункер встретил людей сонной тишиной.

Аварийное освещение слабо рассеивало полумрак.

Стены и пол, укрепленные изнутри стальными листами, отражали и усиливали все звуки, искажая их почти до неузнаваемости.

«Почему так тихо?» – одновременно подумали ученые и переглянулись.

Никто не произнес ни слова. Шаги звучали, как удары колокола. В воздухе стоял кислый запах пороховых газов, горелой электропроводки и чего-то еще не менее отвратительного. Бункер был просторный, но создавалось впечатление, что они попали в тесный могильный склеп.

Профессор вступил во что-то мерзкое и вязкое.

– Что за... – пробормотал он, пытаясь рассмотреть прилипшее к сапогу вещество.

Комендант достал из кармана фонарик – луч света скользнул по полу и остановился на саркофаге.

По вяло поблескивавшей поверхности стекла стекали тонкие ручейки талой воды.

Такая мелочь.

Такого огромного значения.

Присмотревшись, Майер содрогнулся – заметил выбоины от пуль, и его накрыла волна негодования.

– Да что здесь происходит?! – голос профессора едва не сорвался на крик. – Зачем вы размораживаете лед?! Кто стрелял по саркофагу? Вы что тут, все с ума сошли?!

Последняя фраза, обращенная напрямую к Штольцу, коменданту не понравилась. Тот пробуравил профессора тяжелым взглядом, от которого у Майера похолодело в затылке. У многих от такого взгляда крепкие колени превращались в мягкую глину.

– Спросите у него, – сквозь зубы процедил комендант, едва сдерживая раздражение, и указал рукой в сторону.

В дальнем углу звякнул металл.

Свет фонаря запрыгал по стене и застыл возле холодильного агрегата с развороченными от взрыва внутренностями.

Там сидел человек, пристегнутый наручниками к одной из труб решетки конденсатора. Он был одет в теплое обмундирование охранника, но без оружия. Яркий свет ослепил его – эсэсовец опустил голову и нервно заерзал.

– Говорите с ним громче. По-видимому, контужен, – предупредил комендант. – И слишком близко тоже не подходите. Он не в себе, может быть опасен.

Ученые приблизились к солдату. Профессор Майер присел на корточки и спросил громко, с расстановкой:

– Вы меня слышите?.. Расскажите, что здесь произошло. Я хочу вам помочь.

Эсэсовец медленно поднял голову, и профессор увидел его глаза, блестящие в странном непонятном возбуждении: зрачки залили чернотой почти всю радужную оболочку. Такой взгляд ученый встречал и раньше – у людей после неудачного сеанса гипноза. Но в глазах этого человека поселился животный страх.

– Она живая... живая, – бесцветным голосом ответил солдат, с опаской покосившись на саркофаг. – И вы ничем мне не поможете... и себе тоже. Она всех нас сожрет.

– Что вы имеете в виду? Кто желает нас... съесть?

Солдат горько усмехнулся.

– Тварь, которую вы раскопали... Она разговаривала со мной и Гюнтером.

– Как рептилия могла с вами разговаривать, если она заморожена? Она неживая, понимаете?

– Зачем же вы ее тут держите?

Вопрос смутил профессора. А охранник продолжил:

– Я не знаю... Оно было в моей голове. Эти звуки... Я думал, что спятил... А может и действительно свихнулся, но не заметил этого... Почему я не верил Зуфферту? Почему? Ведь он меня предупреждал, предупреждал...

– Вы помните, что с вами произошло дальше?

– Не помню... – Охранник будто прятал взгляд. – Я слышал только голос этой твари.

– Голос?..

– Да.

– Вы и сейчас слышите этот голос?

– Нет. Он умолк. Не знаю, почему и каким образом, но умолк. Может быть навсегда, а может, и нет. Не знаю. Мне страшно...

– Вы помните свое имя? Как долго вы здесь находились?

Солдат затравленно посмотрел на Майера, попытался что-то вспомнить, словно искал в глазах профессора подсказку.

– Я... не помню, – обреченно выдавил он и совсем сник, снова опустив голову.

Профессор поднялся и подошел к коменданту.

– Думаю, здесь все ясно, господин комендант. У вашего солдата явное психосоматическое расстройство.

– Что? – не понял Штольц.

– Самовнушение, – деловым тоном сказал Майер и, вспомнив учебник по психиатрии, добавил: – Плюс аменция.

Штольц нахмурился. Мудреное слово профессора было ему незнакомо и потому вызвало раздражение. Посчитай штандартенфюрера кто-либо неучем, могла пострадать его репутация всезнающего человека. А она была особым даром людей его должности, престиж которой следовало поддерживать. Но в бункере кроме него, ученых и проштрафившегося охранника никого не было.

– Выражайтесь яснее, профессор, – недовольно буркнул Штольц.

– Расстройство сознания, – пояснил Майер, – характеризующееся бессвязностью мышления, растерянностью и нарушением ориентации в окружающем пространстве. Он перевозбужден, даже имени своего не помнит. И это не удивительно. Такое часто происходит с людьми, которые долго находятся в таком замкнутом пространстве, как эта база.

Профессор развел руки и сделал движение, будто хотел охватить весь мир.

– Он окончательно потерял рассудок? – поинтересовался комендант, не выказав при этом никакого сочувствия в тоне.

– Нет, что вы! Его нужно поместить в лазарет, сделать несколько инъекций успокоительного и позволить хорошенько выспаться. Через недельку-другую все как рукой снимет. С контузией, вероятно, дела обстоят иначе – я не врач, в конце концов. Да, и еще: предоставить побольше общения – это ему не навредит.

– Столько времени у него не будет, – строгим тоном сказал комендант. – У нас не санаторий.

Доктор Фогель в это время думал о другом факте: «На массовый психоз не похоже. Почему Штольц умалчивает о том, что произошло с теми двумя охранниками у входа? Ведь они убиты явно не в бункере – на решетке я видел кровь и возле нее тоже. Много крови. Такие вопросы ему задавать, конечно, бесполезно, он не ответит, но прояснить не мешало бы. Это должно быть как-то связано».

– Это существо может ожить в замороженном состоянии? – осторожно, словно не желая сболтнуть лишнего, спросил комендант, указав рукой на саркофаг.

«То, что надо! Значит, это все-таки связано с существом! По-видимому, солдат не лгал». – Уголок губ Эриха едва заметно приподнялся в усмешке.

– Теоретически, да, – ответил профессор. – Но это пока лишь домыслы. Я регулярно брал пробы клеток и, не помещая их в питательную среду, фиксировал при помощи химреагентов в стадии клеточного роста. Однако в микроскоп деления клеток не наблюдал. Опять же, они были заморожены... А существо, если его полностью разморозить, кто знает... У некоторых видов земноводных на Аляске и в Исландии есть такая способность – гены резистентности к замерзанию. Это своеобразная форма защиты от холода. При глубоком замораживании в их клетки из печени выделяется большое количество глюкозы и глицерина, что не дает им при размораживании лопаться и организм постепенно оживает после спячки во льду. Но к нашему случаю, я уверен, это не относится.

– Мне нужно, чтобы проект «Сфинкс» как можно скорее дал положительные результаты. Лягушки рейху не нужны, пусть их французы дегустируют, пока они у них из ушей не ползут. Нужны – солдаты! Понимаете? Бесстрашные, неуязвимые, бессмертные! Ясно? Из ваших отчетов, профессор, следует, что и клетки этого существа оживают после разморозки. Как вы это объясните? С какой целью вы затягиваете исследования? Решили устроить саботаж?

– У нас одна цель, господин комендант, – стал оправдываться Майер, – но мы не хотим наделать беды из-за чрезмерной спешки. Видите ли, у этого существа в отличие от нас не двадцать три пары хромосом в ядре клетки, а двадцать пять. Его клетки должны делиться во много раз быстрее, чем у нас. А значит, и раны заживали бы почти мгновенно, а этого не происходит... Конечно, если его не... Скажите, а что произошло с системой охлаждения? Ее что – взорвали?

Штольц слегка скрипнул зубами. Его желваки зашевелились.

«Молодец профессор! Попал в самую точку». – Фогель опять незаметно улыбнулся. Он наблюдал за лицом коменданта, пытаясь увидеть то, что говорили его глаза, а не то, что говорил язык. Но глаза Штольца «молчали».

– Этим уже занимаются, – Штольц спокойно отреагировал на провокационный вопрос. Невозмутимое выражение лица. Держался, как скала. – Следуйте за мной.

Комендант неторопливо направился к выходу.

– Ну, так что, господин профессор, вы все еще желаете рассказать коменданту о сыворотке? – почти не размыкая губ, проговорил Фогель – грузная фигура штандартенфюрера успела отдалиться на достаточное для безопасного разговора расстояние.

– Рановато, Эрих, – почти шепотом ответил Майер и печально улыбнулся. – Вы были правы.

– Зато Штолиц уже вместо спичек выдает своим деткам гранаты, – добавил доктор, бросив напоследок взгляд на солдата и уничтоженный им холодильный агрегат. – А потом запирает в железные клетки вместо того, чтобы поставить в угол.

– Грустная аллегория, коллега, – констатировал Майер.

2. Воронов

Сентябрь 2010 года. Россия. Москва.

Кафе «Меридиан» располагалось на первом этаже одного из типовых девятиэтажных домов, во множестве построенных в девяностые годы.

Николай Воронов сидел на высоком стуле у стойки бара и неспешно пил коньяк, разбавленный прохладой пузырящегося «пепси».

Ему нравилось это уютное заведение с тихой ненавязчивой музыкой. Динамики стереосистемы, как всегда, мурлыкали очередной попсовый хит, делая короткие паузы для рекламы.

По вечерам здесь жизнь бурлила, но сейчас, в полдень, посетителей собиралось мало.

Николай знал, что первые клиенты появлялись сразу, как только кафе открывалось – в восемь утра. Одни шли с какой-нибудь ночной работы, прямо у стойки бара перехватывали глоток спиртного и тут же уходили домой отсыпаться. Другие останавливались выпить разлитого пива и просто посидеть, уставившись в широкий экран телевизора.

Воронов заходил в «Меридиан» довольно часто: заведение располагалось поблизости от его жилья, а приемлемые цены и сносная кухня не допускали лишних трат и расстройства желудка. Место у стойки бара считал наилучшим: отсюда можно без помех изучать посетителей – это всегда занимало Николая. Он любил понаблюдать за людьми, оценивая по каким-либо признакам их статус в обществе и делая выводы о них.

– Что-нибудь еще будете? – спросила у Николая грудастая барменша, подвесив протертый бокал на сушилку для посуды.

Стекло мелодично зазвенело.

– Сегодня только это, – ответил Воронов, указав на бутылку с коньяком. – Плесни еще грамм двести, не ошибешься.

Взгляд Николая задержался на пышных формах девушки и, что греха таить, в этот момент его посетила волнующая мысль о том, как было бы замечательно пообщаться с ней наедине в интимных условиях и часик-другой «потереться пупками».

– Что-то случилось? – пытаясь заглянуть в глаза, поинтересовалась барменша, поставив перед ним бокал.

Николай вздохнул, промолчал. Да и что говорить? Сейчас у него, наверно, проступило на лице такое же выражение, как у кота, подавившегося старой и костлявой мышью.

Время будто оцепенело. И мысли, одна за другой, побежали по лабиринту воспоминаний...

Жизнь Николая Воронова сложилась вроде бы и неплохо. Крепкое здоровье в почти сорокалетнем возрасте дается далеко не каждому, да и держал он его всегда на должном уровне, благодаря ежедневной утренней зарядке и периодическим посещениям спортзала, а в последнее время – плавательного бассейна. Работа, никогда не нравившаяся его гражданской жене из-за частых командировок, хоть и не давала больших материальных благ и перспектив, но была интересной, по душе.

Когда Николай познакомился с Оксаной Севериной, она показалась ему светлым бескорыстным ангелом: блондинка, красивые чувственные губы, изумрудно-зеленые глаза с карими вкраплениями, отличная фигура. Ему часто вспоминался тот поток чувств, когда он впервые ее увидел, – что-то совсем необычное, девушка, с которой хотелось быть всегда рядом, просыпаться по утрам из года в год, видеть на подушке ее волнистые локоны, слышать тихое дыхание и вдыхать запах ее тела... Но вскоре миловидный «ангелочек» скинула маску и показала настоящее лицо, оказавшись стервозным существом с грязно-серой аурой, по которой бегала стая диких тараканов, часто впадавших в болезненную истерику. Казалось, ее голова была запол-

нена черным дымчатым порохом, и что она даже чихнуть не могла без взрывчатого капсюля. Язык Оксаны стал чужим, путанным, а взгляд скоился к носу от постоянного вранья.

На разгадку истинной сущности сожительницы у Николая ушли пять долгих лет, оставивших тяжелый осадок в душе. Сморозил глупость, совершил необдуманный поступок – получай и улыбайся, потому как жизнь рано или поздно прощает веселых дураков. Однако и жизнью назвать это было весьма трудно. Скорее – выживанием в зоне отчуждения, испытанием собственного терпения, которое из твердого состояния превращалось в разогретую ртуть, готовую вот-вот закипеть и выплеснуться во что-нибудь ужасное, о чем даже подумать было страшно.

После рождения ребенка Воронов летал в облаках от счастья. А Оксана продолжала в своем духе: часто вынуждала Николая ревновать ее к другим мужчинам. Да, он пытался не замечать очередного рыженького «одноклассника» или «просто друга», ее непомерной «общительности», однако не всегда удерживался от резких высказываний. Серьезно намеревался на ней жениться – официально, чтобы узаконить статус отца ребенка и скрепить этим союз. Для него перестали существовать все женщины на свете кроме нее и малышки. Он любил их всем сердцем, и невзгоды принимал за обыкновенные житейские перекрестки, которые каждая семья когда-нибудь да переходит. Постепенно, как тогда показалось, семейная жизнь стала налаживаться. Но длилось это недолго.

Начались бесконечные ссоры, возникавшие, как говорится, из воздуха, и из уст сожительницы посыпались упреки, зачастую несправедливые, высасываемые из пальца. Они сменялись эпизодами наигранной любви – с виду ласковой и убаюкивающей – на фоне виртуозной лживой корысти. Для правды уже не оставалось места. Примитивная театральная фальшь, пустившая корни во всех направлениях, поставила жирную точку в нормальных семейных отношениях.

Некогда горевший в сердце Николая огонек все угасал под толстым слоем грязи. Дремучий лес лицемерия и лжи становился непроходимым, его удушливым воздухом становилось трудно дышать. Рождалось чувство обреченности. Это понуждало Николая чаще заглядывать в бутылку – и только усугубляло создавшееся положение.

Оксана неоднократно уходила вместе с дочкой – то к маме, то на съемную квартиру. Месяцами не разрешала видиться с ребенком, прекрасно зная, что терзает этим Николая. Он никак не мог понять: к чему такая подлость? чем заслужил такое отношение? Но, когда финансовые проблемы Оксаны не находили другого решения, ее бодливая натура и беспредельное упрямство смягчались, и она возвращалась к Николаю... ненадолго. А спустя некоторое время взаимоотношения вновь болтались из стороны в сторону, точно голова китайского болванчика. И все повторялось заново.

Воронов старался почаще сбегать в очередную экспедицию, где полностью отдавался любимой работе, а скучать приходилось лишь по дочери.

Сегодня же, вернувшись с раскопок скифских курганов, где ничего толкового так и не нашли, Николай обнаружил дома записку, наклеенную на зеркало, в которой корявыми прописными буквами сообщалось: Оксана встретила очередную «вторую половинку» и убралась восвояси, обретя «долгожданное счастье». Ник, как звали его друзья и знакомые, предвидел подобное развитие событий и, казалось, был готов, но сердце все одно словно обожгло серной кислотой. Что ответить, когда спрашивают «что-нибудь случилось»? Это «что» произошло с ним уже давно, когда впервые узнав об измене... простил. А стоило ли?

Для любого нормального мужчины не важно, что «было» у женщины до него, гораздо важнее – что «было» после встречи с ним. А у Оксаны и «после» скопилось немало, с избытком.

Тогда и произошло первое замыкание в голове Воронова, будто перегорели предохранители. Что-то сломалось у него внутри. Раз и навсегда. Никогда вызванная обидой злость не проникала так глубоко в сознание. Он словно стоял на развалинах ушедших дней. И уже ни во что не верил. Никому. Даже себе.

Вот такой вот фокус-покус.

...Николай встрепенулся от очередного вопроса, выскользнувшего словно из ниоткуда:

– С вами все в порядке? – Барменша поставила перед ним бокал с коричневатой жидкостью.

Эта фраза вырвала Ника из блужданий по задворкам памяти и вернула в реальный мир.

– Да... Все хорошо, но могло быть и лучше, – задумчиво ответил Николай, глотнул из бокала и поморщился. – Добавь еще «пепси», пожалуйста.

И решил: «Пожалуй, сегодня не стоит напиваться. Лучше пойду в клуб, сниму девицу и вышибу «клин клином» все печали. Хорошо, Ксюха не успела «форматировать» мою заначку. На номер в гостинице и шампанское вполне хватит».

Николай залпом допил коньяк, поднялся, молча расплатился и направился к выходу.

Пышнотелая барменша проводила тоскливым взглядом мужчину. Она и сама сейчас была бы не против развлечений, флирта или чего-то более приятного – пусть даже это дойдет до постели в недорогой придорожной гостинице. Но долг перед постылой работой не давал такой возможности. Вздыхнув, девушка пососала через трубочку слабоалкогольный суррогат из красивой жестяной банки и продолжила натирать посуду.

* * *

Домой Воронов вернулся на следующий день. Помятый, усталый, с пустотой в области паха и насквозь пропитанный женским запахом – приятным, но его почему-то хотелось поскорее смыть с тела.

В прихожей он едва не споткнулся о дорожные чемоданы, которые так и не успел разложить, и задержал взгляд на зеркале. Приклеенный листок с каракулями Оксаны и отпечаток прощального помадного поцелуя на его поверхности уже не оживили никаких чувств. Все слова были сказаны, и нужных больше не найти, и быть их не может.

– Верны мужьям шалуньи и насмешницы, а в маске благочестья ходят грешницы... – процитировал Шекспира Николай. Вздыхнул, почувствовав даже какое-то непонятное облегчение.

Ночное randevu что-то изменило в нем, где-то внутри. Действительно, «клин клином вышибают». Только сейчас, сам того не осознавая, он задал себе давно зревший вопрос: а любил ли он ее на самом деле? Или же все душевные страдания и радости были напрасны и обманчивы? Порою в жизни и такое случается. И то, что ранее выглядело истинными чувствами, в которых он был твердо убежден, на поверку оказалось лишь источником плотских утех, мимолетных радостей, пустых тревог и печалей. А может, он любил ее как собственность, всеми силами отвергая то, что чувства никогда и не были настоящими?

«Пусть теперь потирает пальчиком чью-нибудь другую ладонь и крикает о своей любви, как утенок Дональд. Плевать! Нужно довольствоваться случившимся и искать в этом свои плюсы. В следующий раз пошлю ее подальше прямо с порога, чтобы катилась ко всем чертям! – твердо решил Ник, выгоняя из себя накатившую от обиды хандру. – А если не представится такой возможности, то оно еще лучше – нервы целее будут».

От этих мыслей ему стало даже как-то легко, воздушно. Сейчас он готов был сыграть ноктюрн на флейте из водопроводных труб. Свобода, пусть и с привкусом горечи, слегка опьяняла.

Отражение его лица не вызвало симпатии: опухшее, глаза с красными прожилками, волосы с уже хорошо заметной сединой на висках. А ведь каких-то шесть лет назад, до того как он познакомился с Ксюшей, его шевелюра выглядела иначе – нервотрепки и постоянное напряжение в отношениях дело сделали.

Почему момент озарения приходит так поздно?

Он прошел в гостиную и бросил безнадежный взгляд на царящий вокруг беспорядок, который с маниакальным энтузиазмом поддерживала бывшая «хозяйка». В душе Николай никогда не мог с этим смириться, но ради спасения семьи был вынужден терпеть постоянно разбросанные вещи и горы немытой посуды.

В квартире было тихо и безысходно, как в судный день.

Фотокарточки в рамках стояли на своих прежних местах. На них был изображен Николай рядом с разными чудовищными штучковинами: костями огромных ящериц, выкопанными из земли, саркофагами египетских фараонов, полуистлевших мумий и тому подобного.

Под журнальным столиком лежал плюшевый слоненок с вывалившимся красным языком – одна из любимых игрушек дочки. Может, Надюшка специально оставила его для папы, как какое-то зашифрованное детское послание? Дети сейчас умные не по годам и многие их поступки невозможно осмыслить, но можно почувствовать.

Николай поднял слоненка, поднес к лицу и ощутил запах ребенка, от которого внутри что-то заскребло и задрожало. Потом плюхнулся в кресло, поставил игрушку на стол и, закинув руки за голову, какое-то время меланхолично созерцал. Закрыв глаза. Его мысли, беспорядочные от набегающей дремы, пронеслись воспоминаниями через минувшие годы, а затем, замедлив свой бег, глубоко ушли в темные лабиринты сна, словно сбегая из жестокого мира реальности.

* * *

Телефонная трель звонка раздалась неожиданно.

«Кто бы это мог быть? В такую рань?» – Николай открыл глаза, поморгал и посмотрел на наручные часы.

Половина седьмого. Воскресенье.

Телефон не умолкал, продолжая настойчиво трезвонить.

«Тьфу ты черт! Кому там не спится? – с раздражением подумал Ник. – Что за люди! Вздремнуть не дают. Чужой отдых для них гроша ломаного не стоит!»

Пришлось встать и идти в прихожую.

Ник снял трубку с аппарата, поднес к уху и несколько секунд внимательно прислушивался, все больше хмурясь. Коротко ответил: «Я скоро буду». Затем наспех принял душ, переоделся, выскочил на лестничную площадку, захлопнул за собой дверь и побежал вниз по ступенькам.

Оказавшись на улице, Воронов поймал частника на старой иномарке – «бомбилу», как некоторые люди называют подобных любителей подзаработать. Договорившись о цене за проезд с недоверчивым усатым таксистом, он с трудом втиснулся в низкий салон автомобиля и захлопнул дверцу.

Круто развернувшись, машина взвизгнула покрышками и устремилась в автомобильный поток...

* * *

Водитель такси выжимал последние соки из своей старенькой иномарки: коробка передач судорожно скрежетала, а двигатель издавал звуки кипящего электрочайника. «Тойота» прогнила не только снаружи, но и изнутри. Воронов даже приподнял носком ботинка резиновый коврик, чтобы убедиться, что в днище кузова нет дырки, куда бы могла провалиться нога.

Водитель включил радиоприемник и, постукивая пальцами по спортивному рулю, что-то насвистывал себе под нос. «Раммштайн» – самое оно, особенно если ты за рулем и тебе нужно подстегнуть нервные окончания, дабы не уснуть на дорожном повороте.

«Бомбила» проявлял чудеса виртуозного вождения. Преодолевая бесконечные заторы на дороге, он часто не пренебрегал и встречной полосой, из-за чего из других машин в адрес водителя неслись недвусмысленные угрозы с сексуальным подтекстом.

Воронов всю дорогу молчал.

Машина сбросила скорость перед самым въездом в арку старого четырехэтажного дома, окрашенного в грязно-желтый цвет.

– Мы там проедем? – поинтересовался водитель. – А то, знаете ли, сейчас люди в привычку взяли ставить бетонные блоки и вкапывать рельсы.

Неразговорчивый пассажир лишь кивнул головой.

«Тойота», поскрипев кузовом на ухабах мостовой, свернула направо, проехала арку, спугнув стаю диких голубей, и остановилась возле подъезда с давно некрашеной, покосившейся дверью.

– Вас подождать? – спросил водитель, взяв из руки клиента зеленую американскую банкноту. Осматривая ее на свет и потирая пальцем воротник на камзоле президента, он был похож на недоверчивого ежика, который обнюхивает найденное яблоко и не может поверить своей удаче.

– Я думаю, нет, – ответил Воронов, с трудом выбираясь из низкой иномарки. Он был высокого роста и не страдал избыточным весом, но поездки в таких моделях авто не доставляли ему удовольствия.

– Если что, звоните! – весело подмигнув, сказал таксист и протянул визитку. – Постоянным клиентам – скидка!

Ник молча сунул карточку в карман и осмотрелся по сторонам.

Возле подъезда стояла машина «Скорой помощи». Пожилой водитель реанимобиля безмятежно покуривал, выпуская дым из-под пышных усов в приоткрытую дверцу. Во дворе тихо и безлюдно. Лишь две старушки, подложив под себя цветные стеганые одеяльца, сидели на лавочке у входа в дом, беседуя о взрывающихся банках с огурцами.

Ник торопливо прошел мимо умолкших старушек, вежливо кивнув им, и скрылся за скрипучей дверью.

* * *

Забежав по ступенькам на третий этаж, Николай остановился у двери с цифрой «9». Хотел позвонить, но дверь оказалась приоткрытой.

Оказавшись внутри квартиры, он услышал шум льющейся воды и тихие голоса, раздававшиеся из кухни.

Ник прошел на кухню. Там он увидел пожилого доктора, моющего руки, и молодую медсестру, аккуратно складывавшую какие-то ампулы и прочий медицинский инвентарь в саквояж и хромированную коробку.

– Здравствуйте. Я – Николай Воронов, – представился он врачам. – Внук. Вы мне звонили. Что с бабушкой? Он в порядке?

Доктор пожал плечами и развел в стороны руки:

– Извините, но возраст, изношенное сердце. В больницу он ложиться не желает. Мы сделали все, что было в наших возможностях.

– Все так плохо? – голос Николая дрогнул.

– А чего вы ожидали, молодой человек? – Доктор тщательно вытирал руки о полотенце. – Приступ мы купировали, опасность миновала, но... В больницу ему нужно и чем скорей, тем лучше... Он очень просил позвонить вам и настоять на вашем немедленном визите. Мы сделали необходимые уколы. Сейчас он спит.

Николай поблагодарил врачей и незаметно сунул в руку медсестры денежную купюру, чтобы соблюсти «тайные правила» бесплатной медицины. Затем провел их к выходу из квартиры, и, еще раз поблагодарив, закрыл дверь.

* * *

Старик не спал. Он лежал на диване с приоткрытыми глазами.

Из-под густых седых бровей на Николая смотрели живые серо-голубые глаза, которые хоть и потускнели за прожитые годы, но не утратили своей пронзающей остроты.

– Здравствуй, дедушка, – поздоровался Николай, протягивая руку для рукопожатия.

– Здравствуй, Коля.

Рукопожатие было крепким. Ник с удовлетворением это отметил.

– Ты как?

– Уже получше. Какое здоровье может быть в моем возрасте?.. Одни воспоминания. – Дед усмехнулся. – Вот и сердце снова шалить начало. Да ты не стой, присаживайся. Нам нужно кое о чем с тобой поговорить.

Николай присел на стул у изголовья старика.

– Возьми вот этот приборчик и включи в розетку, – попросил дед, протянув внуку маленькую коробочку с вмонтированной в нее штепсельной вилкой. – Не люблю комаров. Что-то их слишком много развелось. Да такие настырные!

Ник взял прибор, повертел в руках и всунул в розетку.

* * *

Долговязый парень с длинными волосами цвета соломы снял с головы наушники и выругался:

– Шайзэ!⁵ Этот чертов старик, видимо, «глушилку» включил! Ни черта теперь не услышишь! Нужно было давно навеститься к нему в гости, сломать ему пальцы один за другим и узнать все необходимое. На крайний случай вколоть ему пентотал натрия, чтоб язык развязался.

В салоне микроавтобуса находились трое: длинноволосый блондин, коренастый крепыш с короткой стрижкой под «ежика» и невзрачный взъерошенный брюнет.

– Не суетись, Курт! – процедил сквозь зубы крепыш. – И перестань употреблять немецкие слова! Мы в России. Когда-нибудь это вызовет подозрение у какой-нибудь бабушки, и из-за подобного пустяка мы загремим в Сибирь чистить снег. Спецслужб и рядовых уличных доносчиков везде хватает.

– У меня не было русской бабушки, – тихо огрызнулся долговязый блондин. – Говорю, как могу. Кстати, курсы русского языка я окончил с отличием, а после два года стажировался в Калининграде.

– Ага, и тебя там все принимали за выходца из Эстонии! – ехидно заметил брюнет.

– Да иди ты! – огрызнулся на иронию Курт. – Я здесь один настоящий немец!

Крепыш протянул руку, достал дорожную сумку и вытащил из нее одежду и бутылку водки. Одежду бросил на сиденье, а бутылку протянул брюнету:

– Пей и переодевайся. Для тебя появилась работа. Все должно выглядеть натурально.

– Но зачем, Бруно? – удивился брюнет, поняв замысел крепыша. – Мне ведь потом за руль садиться!

⁵ Дерьмо! (нем.)

– Ничего, – с довольным смешком сказал крепыш. – Машину, если понадобится, поведет Курт, а ты потом примешь таблетку из спецаптечки. Будешь выглядеть лучше, чем сейчас. Пей-пей! От тебя должен исходить свежий перегар.

– Это точно, Бруно, – подхватил Курт, хохотнув. – После вчерашнего свидания с русской фройляйн он выглядит неважно.

– Заткнись! – рыкнул Бруно на долговязого и продолжил инструктаж брюнета: – Когда объект будет выходить, подкинешь ему «маячок», мы подключимся к спутнику, и никуда он от нас не денется. Дед наверняка расскажет внуку все без утайки, а тот приведет нас куда надо, даже не подозревая об этом. Экспериментировать же с сывороткой правды над столетним стариком – пустое занятие. Здоровье у него ни к черту – сердце не выдержит.

– Русские девушки слишком много пьют, – хмуро сказал брюнет, подумав о чем-то своем.

Он с тяжелым вздохом откупорил бутылку и, поморщившись, начал пить прямо из горла.

Курт, усмехнувшись, отвернулся к своей аппаратуре и снова надел на голову наушники. Пробормотав что-то по-немецки, он покрутил ручку настройки частот.

3. Крысы

Ноябрь 1946 года. Антарктида.

Секретная подземная база «Черное Солнце».

Острое лезвие вонзилось в брюшко крысы, окрасив серый мех кровью.

Доктор Фогель аккуратно вскрыл брюшную полость, отложил скальпель, взял пинцет, лупу – и вытянул из желеобразной жижи внутренности.

Профессор Майер брезгливо поморщился. Он провел тысячи подобных опытов, но так и не смог избавиться от отвращения к окровавленным слизистым потрохам.

– Так-так... – задумчиво произнес доктор, поковырялся в кишках, осматривая их через увеличительную линзу. – Вроде все в норме... Хорошая работа, господин профессор. Она пре-
взошла наши ожидания. Когда начнется регенерация?

– Как только закончится действие наркоза, – ответил Майер. – Ваша сыворотка творит чудеса! С каждым разом процесс ускоряется...

Фогель отложил в сторону инструмент и нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

– Смотрите! – воскликнул Майер.

Эрих не поверил своим глазам: крыса зашевелила лапками и ее внутренности втянулись обратно, словно попав в водоворот; рана стремительно заживала.

– Вот это да! – воскликнул доктор и улыбнулся. – Малышка торопится воскреснуть!

– Это самец, дорогой Эрих, – поправил профессор. Его глаза сияли. – Но есть и самка. Я усовершенствовал больше дюжины тварей.

Крыса жалобно пискнула – доктор взял ее за хвост и опустил в один из террариумов, в которых находились другие подопытные грызуны. Она поднялась на задние лапки и как-то пристально посмотрела на ученого. Эриху даже показалось, что крыса искривила мордочку в легкой, но, несомненно, недоброй улыбке.

Доктор отвернулся, но ощущение, что крыса наблюдает за ним и ухмыляется – осталось: оно ползало по спине, словно слепые муравьи.

– Пойдемте ко мне, профессор, – предложил он. – У меня в комнате припрятан «Мар-
тель». Пропустим по рюмашке хорошего французского коньяка. Вы не против?

– Не откажусь, Эрих, – согласился Майер. – И даже не по рюмашке. Мы это заслужили. А опыты отложим на завтра.

Профессор посмотрел на прыгающего в клетке и скалящего зубы шимпанзе:

– Успокойся, Клаус, за тебя я тоже не забуду. Всему свое время, приятель.

Ученые направились к выходу.

Шимпанзе Клаус смотрел то на удаляющихся людей, то на замерших крыс. От невинно-
сти во взглядах грызунов не осталось и следа. Ее сменила злоба и неприязнь.

* * *

Карцер располагался на втором уровне базы и напоминал большой поломанный холо-
дильник.

Ганс Вайгель сидел здесь уже пятые сутки и понимал, что мысли скоро начнут путаться, и он потеряет счет времени. После взрыва в бункере карманные часы перестали идти, и их пришлось выбросить.

Было холодно и темно: температура не поднималась выше десяти градусов Цельсия, а свет пыльными полосами проникал только через щель между створками двери и вентиляционные отверстия.

Единственным предметом мебели в карцере были двухъярусные нары, а единственным развлечением – старый французский журнал с полуголыми девицами, который кто-то умудрился пронести и спрятать под тощим прелым матрасом.

Кормили арестанта плохо. Скучный паек выдавался один раз в день. И вскоре от этой пищи голова Ганса стала невероятно тяжелой и кружилась, точно он стоял над пропастью.

Вокруг копошились крысы, поблескивая в темноте глазками, будто маленькими фонариками. Их дерьмо невыносимо воняло. Грызуны постоянно пищали, точно что-то не могли поделить между собой, и этот писк становился похожим на хихиканье, словно смех демонов, преследовавший арестанта все эти дни.

«Ночь» в карцере наступала внезапно – молчаливый надсмотрщик выключал освещение и уходил в дежурное помещение, насвистывая незатейливую мелодию. Крысы подозрительно затихали, лишь изредка попискивая. И Вайгель побаивался, что хитрые твари в темноте подкрадываются к нему, дабы отгрызть уши.

Первые две ночи, показавшиеся бесконечно долгими, Ганс почти не спал. А «утром» смыкал глаза и ждал хотя бы минутного забвения во сне, но получалась лишь лихорадочная дрема, полная кошмаров. Когда вскакивал, жадно хватая ртом воздух, то не мог ничего вспомнить – только то, что мерещились какие-то клыкастые морды с желтыми глазами и крысы, готовые вцепиться ему в горло... кругом одни крысы... много крыс... казалось, они забирались даже в глотку, вызывая омерзительное удушье.

Но этой ночью, изнемогая от усталости, Ганс уснул. И вместе с ним уснули страх и голод.

* * *

На следующее «утро» Вайгель проснулся от странной тишины.

Шестеренки мозга крутились медленнее, чем обычно, но Ганс отчетливо осознал: что-то изменилось в существующем порядке вещей. Какое-то седьмое чувство подсказывало: что-то не так – совсем не так.

Ганс встал и осмотрелся по сторонам: ни писка, ни копошащихся серых теней.

Крыс не было.

Ни одной.

Освещение работало.

Он подошел к двери и прислушался.

Ни звука.

«Интересно, который сейчас час? – подумал он. – Когда пожрать-то принесут?»

Мысль о еде инстинктивно разбавила слюной сухость в горле.

– Э-эй! – крикнул Ганс что было силы через дверную щель. – Крюгер! Где ты, мать твою, подевался?! Когда кормить будешь? – и прислушался к гаснущему гулкому эху.

Тишина.

На лице Ганса отразилась беспомощность.

– Э-эй! – попытался еще раз докричаться до вечно хмурого соглядата и уже собирался отойти от двери, как услышал какой-то странный нарастающий шум.

Что-то приближалось.

Что-то очень быстро приближалось.

Словно какая-то тысяченожка стремилась попасть домой до захода солнца.

Дверь дрогнула. В щель просунулась усатая крысиная морда, обнюхивая и оценивая обстановку. Когда ее маленькие глазки уставились на Ганса, тот ударил ногой по двери, и крыса

лопнула, словно сырое яйцо: мозги и внутренности выдавились наружу, как клубничный джем из тубика. Вайгель удивился живучести твари – та успела истошно завизжать, прежде чем сдохла и застряла в дверных створках, словно кусочек мяса между зубами.

И что самое удивительное: раздавленная крыса продолжала трепыхаться!

Ганс брезгливо поморщился и отошел от двери на два шага назад.

Снаружи что-то ожило и зашевелилось. Дверь задрожала в конвульсиях от бесчисленных ударов. Казалось, будто десятки теннисистов отрабатывают подачу мяча. Створка отошла, и в карцер, огибая ноги Ганса, хлынул поток крыс.

Вайгель отступил еще на шаг, поскользнулся на чем-то мягком и упал. Под локтем что-то хрустнуло, завизжало и отскочило в сторону. Перед глазами суетливо скользили серые расплывчатые тени, накладываясь друг на друга и заполняя пространство с невиданной быстротой. Он вскочил, смахнул с себя двух вцепившихся в одежду крыс и с обезьяньей ловкостью запрыгнул на самый верх двухъярусных нар.

Он думал, что повидал в жизни все, но ничего подобного и представить не мог.

«Господи! – кричал его рассудок. – В чем я провинился перед тобой? – Сердце стучало так, что становилось трудно дышать. – Сколько их? Сотни? Тысяча? О Боже!»

Ганс смотрел на парад обезумевших крыс и плакал...

А потом засмеялся – нет! – захохотал.

Громко и безудержно. Как полоумный кретин.

* * *

Франц Крюгер отщипнул кусочек хлеба, макнул в жирную свиную тушенку и положил под стол.

Из-под скамьи вылезла большая крыса с пышными усами и жадно набросилась на угощение.

– Кушай, Сталин, кушай, – одобрительно сказал надзиратель, любуясь, на шевелящиеся усы своего питомца, которого он из-за этих самых усов и прозвал партийным именем русского Вождя. – Кто еще кроме дядюшки Франца даст тебе такое лакомство? А? Никто мой друг. Никто. Ха-ха! Какой же ты ненажорливый сукин сын! Что, еще хочешь? Держи!

Крыса на лету схватила добавку и продолжила трапезу.

– Ловкач, – ухмыльнулся Франц, – так ты у меня всю тушенку выманишь. Твои друзья на складе уже две дюжины сапог сожрали и три ящика мыла, а вот ты, друг мой, свининкой балуешься. Чего смотришь? Я не ругаюсь. Кушай, кушай.

Малообщительный от природы Крюгер вел весьма замкнутый образ жизни и почти не отлучался из пятого сектора второго уровня, в котором находился карцер и вещевой склад. Он редко появлялся на других уровнях базы и не любил гостей. Комендант лично назначил его охранять этот сектор и, по просьбе Франца, не присылал никого на смену, зная его нетерпимый к людям характер и непогрешимую ответственность в работе. Крюгер принадлежал к той породе людей, на которых можно положиться: молчалив, педантичен и безжалостен – то, что и требовалось от надзирателя.

Крюгер облысел еще в двадцать пять лет. Невзрачный лысый парень девушкам не нравился, и потому Франц озлобился на весь мир. А теперь, когда стукнуло сорок восемь, он и сам походил на своего грызуна-любимца. Низкорослый, тучный, с большим толстым носом на хитрой физиономии и вкрадчивым взглядом всегда полужакрытых глаз, за которыми скрывались все мысли, надзиратель вызывал доверие лишь у коменданта и прирученной им крысы. Остальные считали его пройдохой и лицемером. Каковым, в сущности, он и являлся.

– К нам опять подсунули очередного недоумка, – продолжал Франц монолог с крысой. – Я-то уж позабочусь, чтобы сбить с него спесь. – Крюгер подобросил Сталину сухарь. – Госпо-

дин штандартенфюрер лично просил вправить новенькому мозги. Сегодня на всю ночь свет оставил – пусть помучается.

Крыса похрустывала сухим хлебом и внимательно поглядывала на кормильца умными глазами. Надзирателю казалось, что она слушает его, и это доставляло ему удовольствие.

– Ничего, скоро и из его башки вся дурь выйдет! – В животе у Франца что-то забурлило, и он протяжно и громко выпустил газы. – Фу-ты черт! Проклятая фасоль! У меня от нее просто революция в животе... Не бойся, Сталин, это не отравляющие газы.

Но крыса видимо считала иначе: ей не понравился вонючий мотив звучащего зада кормильца. Она не доела сухарь и, приняхиваясь, подняла мордочку.

– Да, мой друг, – согласился надзиратель, поморщившись от собственной «газовой атаки». – Это неприятно, но держать газы в себе очень вредно для здоровья. Вот Германия, к примеру, что сделала? У нас было достаточно иприта и прочего ядовитого дерьма, чтобы залить им всю Россию! А что сделали мы? Кого боялись? Пожирателей пудингов или этих долбаных янки, воюющих только ради какой-нибудь выгоды?.. Чего ждали? Профукали момент и проиграли войну! Проиграли из-за кучки трусливых идиотов! Это правда – голая, жестокая, дружище. Эти трусливые америкашки и воевать-то не умеют как настоящие мужики. Все норвят исподтишка, сзади пристроиться... Если б не русский «Иван» – вот бы где у нас сидели! – Франц сжал мясистый кулак.

Крыса пристально смотрела на человека.

– А в Дрездене что натворили? Жуть! Не пожалели ни стариков, ни детей, проклятые убийцы! Немецкий народ им на колени не поставит! Мы не сдрейфим! Никогда! Ведь не зря же нас тут всех держат? Мы еще подсыпем им перцу в рождественскую индейку и гребаные пудинги! – Франц хлопнул ладонью по столу. – Ты чего не ешь, приятель?

Крыса повела себя как-то странно: засуетилась, покрутилась вокруг стола и выскользнула за дверь.

– Ты куда, Сталин?! – крикнул ей вдогонку Крюгер и подумал: «Наверное, «по-большому» приспичило. Ну и правильно, в дежурке гадить запрещено. До чего же умная бестия! Не зря тушенкой пузо набивает».

Надзиратель подошел к двери и выглянул в коридор.

Сталин куда-то убежал. Исчез.

«Как его позвать? Кис-кис? Звучит бредово и на редкость глупо. Как вообще можно позвать крысу?.. – Франц не нашел ответ на этот вопрос, в расстроенных чувствах захлопнул дверь, улегся на койку. – Нужно поспать. Второй час ночи, а я все еще на ногах. А Сталин вернется, обязательно вернется. Ему со мной хорошо и сытно...»

...Но этой ночью его усатый любимец не вернулся.

Когда Крюгер проснулся, то почувствовал неприятную тяжесть на груди и чье-то зловонное дыхание.

– Сталин, где тебя носило, приятель? От тебя жутко воня... – в полудреме пробормотал Франц, открыл глаза и запнулся на полуслове, когда увидел ЧТО сидит на его груди.

Больше надзиратель не успел сказать ни слова – острые клыки красноглазой твари сомкнулись на его шее, разорвали в клочья и превратили в булькающее кровавое месиво.

* * *

Ганс дрожал всем телом. Не от страха – от отчаяния.

Почему крысы затихли? Почему они здесь? Их так много... Чего ждут? Где этот чертов молчаливый ублюдок Франц?

Желудок напомнил о себе, противно заурчав.

Нужно как-то выбираться отсюда... звать на помощь... или хотя бы избавиться от мерзких тварей. Чего они могут бояться?..

Вайгель напряг память и его осенило: «Точно! Нужен огонь! Как же я раньше об этом не догадался!»

Ганс судорожно сунул руку в карман и нащупал небольшой металлический цилиндр «ИМСО». Курить он бросил полгода назад, а зажигалка просто провалилась через дырявый карман под подкладку форменной куртки. При осмотре ленивый надзиратель лишь вывернул карманы, не заметив дырки, хорошенько потряхнул одежду и безразлично отдал арестованному. Куртка была в пятнах неприятного вида – это и спасло зажигалку от реквизиции. Зато губную гармонику «Хонер» жадный Франц очень долго разглядывал и крутил в руках, перебирая в голове причины, чтобы не возвращать обратно владельцу.

«Зачем ему эта вещь? – недоумевал Вайгель. Неужели будет развлекать свою жирную крысу?»

О дружбе надсмотрщика с хвостатым Сталиным знали все, и по базе ходило с десяток анекдотов самых разных трактовок, порой очень обидных. Но открыто надсмехаться над ним никто не рисковал: видимо, опасаясь мести – в том случае, если окажется клиентом его «заведения».

«Хоть бы бензин не выветрился!.. Нет, не должен». – Ноздри Ганса раздувались, будто ноздри коня, почуявшего запах голодного волка. Губы были поджаты. Пальцы разорвали карман и извлекли зажигалку. Большой палец откинул крышку и крутанул колесико.

Чирк!

Искры разлетелись в стороны.

Внизу закопошились крысы.

Чирк!

То же.

– Проклятье! – взволнованно воскликнул Ганс. – Ну, давай же! Давай!

Чирк! Чирк! Чирк!

Без результата.

«Может, фитиль высох? Нужно хорошенько встряхнуть».

Ганс сглотнул липкую слюну, потряс зажигалку. Его охватило отчаяние. Мысленно перекрестившись, снова крутанул черное колесико.

Чирк! Чирк!

Огонек заплясал на фитиле зажигалки, осветив потолок, стены и прижавшихся к полу крыс.

Ганс облегченно выдохнул.

«Так. Теперь нужно сделать факел».

Он разулся, выдернул две дощечки из настила нар, разорвал полусгнившую ткань матраса и набил ватой шерстяные носки. Скрутив жгуты из шнурков кальсон, Ганс прочно стянул ими носки вокруг рукояток факелов.

«Готово!» – обрадовался он и посмотрел вниз.

Крысы обеспокоено зашевелились, предвкушая что-то нехорошее.

Вайгель побоялся спускаться в копошащееся скопление грызунов. Поджег оба факела и один бросил вниз. Помещение заполнил смрадный и удушливый запах паленой шерсти и ваты. Крысы волной откатились к стенам, приникли и смотрели на Ганса, словно спрашивая: «Ты куда собрался, приятель? Сидел бы с нами и не дергался! Оно тебе надо?»

Но Ганс не разделял крысиного мнения – слез с нар и, опасливо озираясь на притаившихся крыс, подошел к двери. Из коридора, освещенного одинокой лампочкой, через дверную щель пробивался луч света, наполненный пылью.

Что-то шустро прошмыгнуло.

Что-то размером с таксу.

Ганс замер, озадачился: «Откуда взялась собака?.. Или все-таки крыса?.. Такого размера?.. Нет. Звук намного громче, чем могла бы создать эта тварь».

Он просунул кисть руки между створок, схватил цепь, скованную замком, и громко потряс.

– Э-э-эй! Франц! Грязная свинья! – заорал Вайгель. – Где ты, кусок дерьма! Тащи сюда свою жирную задницу, пока я тебе ее не оторвал!

Холодный, сырой воздух ударил в нос и горло.

Ганс затих.

Рядом послышалось чье-то глубокое дыхание.

Показалось?

Звук повторился. Уже ближе.

Нет, это было не дыхание. Нюхали дверь. А затем – затихло.

– Эй, кто здесь?.. – слабым голосом окликнул он неизвестно кого или что.

Снаружи не донеслось ни звука. Затухающий факел и тишина усугубили впечатление.

Неужели померещилось?

Ноги вросли в пол.

Тело дрожало.

Ганс стоял, вцепившись пальцами в цепь, и ждал, когда дыхание повторится.

В следующую секунду в руку вонзились острые клыки – хрустнули сломанные суставы пальцев, брызнула кровь. Ганс взвыл от боли и ткнул факелом в лохматую морду существа с красными глазами, отдернув руку.

За дверью раздался пронзительный визг и звук бегущих по тоннелю лап.

Рука представляла жалкое зрелище: два пальца тварь успела отхватить до основания, а остальные сильно кровоточили, беспомощно свисая на разорванной коже.

– Мать твою! О Боже! – Ганс осматривал свою искалеченную руку. Он никогда не чувствовал себя таким несчастным. И неожиданная боль сковала на миг все тело. – Что за... Господи!.. Моя рука...

Факел догорел и зачалдил.

Ганс будто очнулся, расторопно отступил назад и обернулся.

И тут его сердце едва не остановилось.

Крысы молча смотрели на кровоточащую руку и медленно надвигались. Вайгель отчетливо прочитал в их злобных светящихся глазках свой смертный приговор.

Карцер был полон резкого, удушливого животного запаха.

Кровь капала на пол, и человеку показалось, что некоторые крысы жадно облизывались.

Огонь факела лежащего возле нар задрожал, вот-вот готовый угаснуть.

Ганс бросил в крыс тлеющую рукоятку факела, отступил назад и судорожно вжался спиной в дверь.

Крысы приближались, быстро сокращая расстояние.

Их дыхание смердело смертью.

Ганс заслонил лицо руками, чтобы не видеть своих убийц.

«Господи! Мне все это снится! Этого не может происходить со мной! Это сон! Сумасшедший сон! Меня нет здесь! Наверняка, мне вкололи что-нибудь, и я вижу галлюцинацию одурманенного каким-нибудь лекарством мозга... Я в лазарете! Я сплю! Должна же зайти медсестра Хельга и разбудить меня?! Должна же?..»

Крысы набросились на Ганса одновременно и опутали его словно липкие нити паутины. Острые зубы, как бритвы, разрезали тело несчастного узника.

Из карцера долго раздавался оглушительный, душераздирающий крик.

* * *

Едва ученые подошли к питомнику – остолбенели.

Во входной двери зияла огромная рваная дыра, точно выгрызенная острыми зубами.

Прошли внутрь помещения.

Там не осталось ничего, что хотя бы отдаленно напоминало царивший когда-то порядок.

Профессор Майер и доктор Фогель медленно продвигались среди хаоса и не верили глазам. Под ногами лопались стеклянные осколки. Половина террариумов лежали разбитыми на полу, в других – высохшие бурые пятна и какая-то слизь; перевернутые стулья и экспериментальный стол были словно изрублены топором.

В полном молчании они подошли к клетке, где должен был находиться шимпанзе Клаус – любимец профессора, всегда весело выплясывавший при его появлении.

Майер глухо застонал, словно зубы заболели.

В клетке лежала бесформенная масса включенной шерсти, слипшейся от крови, вывернутого мяса и торчащих обломков костей. Вокруг – многочисленные следы крысиных лап, размазанные в засохшем кровавом месиве.

– И это все, что осталось от Клауса... – хмуро констатировал Майер, осматривая останки своего любимца. – Поверить не могу. Неужели крысы способны на подобное? Они ведь крохотные... совсем...

– Клаус был неплохим парнем, – проявил сочувствие Фогель. – Но насчет крохотных крыс вы заблуждаетесь. Посмотрите на отпечатки лап. У моего дога были и то поменьше.

– Бедный, бедный Клаус, – растянута произнес Майер. – Вспомните только, как он танцевал... Но как крысы могли дорасти до таких размеров за одну ночь? Это биологически невозможно.

– Я бы не был так уверен в этом. Вы забываете, что крысы участвовали в нашем эксперименте и подверглись воздействию сыворотки.

– Да, но тогда это значит, что процесс трансформации пошел ненормально... снова эта проклятая мутация...

– Мы рано обрадовались, профессор...

Майер сглотнул слюну. Ему захотелось плюнуть на все и бежать... бежать без оглядки... бежать подальше от всего этого кошмара... от этой клетки... от растерзанного Клауса... от всей этой крови... подальше от спятивших крыс... К горлу подступила тошнота.

– Нужно сворачивать проект, Эрих. – Майер осматривал разгромленное помещение. – И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше. Исследования вышли из-под контроля.

Фогель смотрел куда-то в сторону. Замер. Глаза сузились.

– Эрих...

Доктор приложил палец к губам:

– Тихо... Слышите? – и указал на дренажную решетку. – Там что-то есть.

Ученые приблизились к решетке. Остановились. Прислушались.

Из дренажа раздавался тихий шорох и царапанье.

Эрих склонился над решеткой и протянул руку.

– Осторожно, Эрих, – обеспокоено сказал Майер. – Вдруг там одна из этих тварей? Это опасно.

– Куда подевался ваш неизменный оптимизм, профессор? – Фогель поднял решетку и достал из сточной ямы небольшую белую крысу, держа ее пальцами за хвост. – Видите кольцо на лапке? Эта особь не мутировала как остальные, хотя и поучаствовала в опытах.

Крыса жалобно пискнула.

– Что вы собираетесь с ней делать?

– Проведу исследования. – Фогель подошел к стеллажу, взял с полки металлический контейнер и положил в него крысу. – Думаю, эта малышка поможет нам создать вакцину против мутации.

Профессор недоверчиво смотрел на контейнер.

– Крысу нужно уничтожить, – предложил он. – Прямо сейчас... Пока не поздно.

– Нет, – отрезал Фогель. – Возможно, это наш единственный шанс исправить то, что произошло. А сейчас нам лучше убираться отсюда и как можно скорей. Крыс пока нет, но они не замедлят сюда вернуться – питомник когда-то был их домом. Доложите Штольцу о происшествии, он сможет организовать поисковую команду для уничтожения сбежавших крыс, пока они не успели размножиться.

– Да, Эрих, здесь действительно опасно, – согласился Майер и поспешил за доктором к двери, озираясь по сторонам.

Когда ученые вышли, растерзанный труп обезьяны едва заметно вздрогнул...

* * *

Трое эсэсовцев подошли к карцеру. Ржавый контейнер напоминал огромный металлический гроб, примостившийся в притоптанной пыли тоннеля.

– Тьфу ты! Воняет-то как! – поморщился эсэсовец с огнеметом на спине. – Запах, как в свинарнике. Грязнуля Франц здесь сто лет не убирал, наверно. Старый лентяй!

– Да, – согласился с ним другой солдат. – Он всегда был равнодушен к крысиному дерьму. Наверное, и сам ходил сюда по нужде вместе со своим усадым другом.

– Плохое место. Плохие запахи, – философски пробормотал третий эсэсовец.

Первые два солдата дружно рассмеялись.

– Я когда увидел, что осталось от Франца, так сам чуть в штаны не наложил, – брезгливо скривил рот один из них. – Ну и гадость! Неужели это сделали крысы? До сих пор не могу поверить!

– Не просто крысы, Краузе... А гигантские, кровожадные крысы! – стараясь придать значение своим словам, сказал огнеметчик. – Слышал, что говорил господин штандартенфюрер? Ничему удивляться не надо! Просто уничтожать и все.

Солдаты подошли к двери. Один из них заглянул внутрь контейнера.

– Хорьх, подсвети-ка сюда, – попросил он рыжеволосого здоровяка с огнеметом. – Ни черта не вижу... но здесь, кажется, что-то есть.

Хорьх достал из кармана фонарик и тоже прильнул к дверной щели.

Пятно света медленно задвигалось по полу и стенам.

– О мой Бог! – словно простонал рыжеволосый Хорьх. – Курт, ты видишь то же, что и я? Их тут сотни. Глазам своим не верю!

Карцер просто кишел крысами. Они попискивали и старались удалиться в темноту.

Свет фонарика переместился дальше и застыл на лежащем человеке.

Остекленевшие глаза мертвеца смотрели прямо на них.

Человек лежал на животе, и, казалось, хотел доползти или хотя бы дотянуться до двери скрюченными пальцами вытянутой руки. На окровавленном лице (на том, что от него осталось) застыла страшная зубастая усмешка, которая из-за обгрызенных крысами губ казалась еще более зловещей.

Сверху на трупе сидели две крысы и жадно вырывали куски мяса из его шеи.

Курт стиснул зубы.

– Это Вайгель... Я знал его... Может, еще жив? – потусторонним голосом проговорил Хорьх, который и сам не верил в то, что сказал. – Давай откроем дверь... нужно же убедиться...

– С ума сошел? – прошипел Курт. – Включай свою адскую горелку и сожги здесь все к чертовой матери!

– Но...

– Ты не слышал приказ? – Рука Курта потянулась к кобуре.

– ...нужно...

– В нашей группе я назначен старшим! – Пальцы расстегнули кобуру.

– ...проверить...

– Выполняй приказ!

– ...что он действительно мертв.

– Немедленно! – В живот Хорьха уперся ствол пистолета. Глаза Курта горели.

Хорьх спрятал в карман фонарь, поджег горелку и вставил трубу огнемёта в дверную щель.

– Отойдите подальше, – проговорил он и, о чем-то подумав, добавил: – Прости, Ганс.

Краузэ передернул затвор автомата и отошел на пять шагов назад. Курт последовал за ним, держа на мушке Хорьха.

– Зажигай, черт возьми! Жги их!

В трубе огнемёта что-то зашипело и затем громко ухнуло.

Хорьх резко отскочил в сторону.

Из дверной щели вихрем вырвались языки пламени.

Внутри карцера раздались душераздирающий визг крыс, от которого сердце уходило в пятки.

Из контейнера выскочила дюжина горящих тварей и бросилась в глубину тоннеля. Краузэ и Курт выстрелили им вслед, но промазали.

– Добавь! Добавь им еще! – заорал бешеным голосом Курт. Огонь в его глазах еще больше распался. – Жги их, мать твою! Жги! Скорее!

Хорьх подошел к двери, наполнил карцер огненным потоком и снова отскочил.

Раздался нечеловеческий крик.

У Хорьха отвисла челюсть.

Или этот крик ему послышался?

Может, этот звук издал вырвавшийся из двери огонь?

Больше никто не выбегал.

И не кричал.

Жуткий визг затих.

«Показалось или нет?» – встревожился Хорьх. Широко расставив ноги, он стоял напротив двери. Уголки губ нервно подергивались. Руки дрожали. Лицо осунулось.

«Мы все окажемся в страшной беде, если будем вот так уничтожать друг друга, – думал он, смотря на пламя. – Нужно было проверить... я ведь чувствовал, что Вайгель жив».

Нагреваясь, металлическая обшивка контейнера начала покрываться радужными разводами.

* * *

После нападения крыс Ганс Вайгель не умер.

Изуродованное тело лежало на полу и истекало кровью.

Он не чувствовал больше ни боли ни страха.

Что-то изменилось в нем. Где-то внутри.

Вайгель не мог пошевелиться. Не мог моргнуть. Не мог крикнуть. Но он жив... реально жив... мог думать и видеть... и чувствовать запахи. Из их множества обоняние выделяло лишь два: зловоние грязных крыс и приторно-сладкий запах собственной крови.

Крысы кружились вокруг, неспешно доедая плоть человека. Но это обстоятельство уже мало беспокоило Ганса. Почему-то он был уверен: ему ничто уже не навредит.

«Почему я ничего не чувствую? Может, в меня вселился сам дьявол? Или крысы впрыснули в меня своими клыками какой-то яд?» – думал Вайгель.

Раньше все походило на страшный сон: крысы пугали, темнота и спертый могильный воздух душили и, казалось, что весь мир спрятался за темными очками, чтобы не видеть его мучений. Когда-то это был крошечный ад среди расплывчатых теней с горящими глазами. Но теперь характер сна полностью изменился. Начались другие видения – полные утробного спокойствия и какой-то новой жизненной силы. Время как будто переместилось в другое измерение. Оно растягивалось до неузнаваемости: минута казалась часом, а час – вечностью. Ганс словно бы летел по бесконечному, глубокому туннелю, проваливаясь в бездну...

Внезапно Вайгель услышал чьи-то быстрые приближающиеся шаги. Послышались голоса и смех. Кто-то подошел к двери карцера. Свет фонаря ослепил его, но зажмуриться он не смог. Услышал тихий шепот и угрозы, от которых ему стало жутко, но и губами пошевелить не удалось.

«Конец... Сейчас я буду умирать в мучительных агониях. Наступит смерть – быстрая и яркая... Ради Бога, не делайте этого! Вытащите меня отсюда! Я жив! Слышите?! ЖИВ!» – взмолился мысленно Вайгель.

В промежуток между створок двери просунулась черная трубка с подрагивающим пламенем на конце. Кто-то настойчиво приказал: «Зажигай, черт возьми! Жги их!»

«НЕТ! ПРЕКРАТИТЕ ЭТО! ПОЖАЛУЙСТА!» – молил их Ганс.

Труба зашипела как разъяренный дракон и выплеснула струю беспощадного пламени.

«СВОЛОЧИ! ГОРЕТЬ ВАМ ВСЕМ В АДУ!»

Крысы моментально вспыхнули как пересушенный хворост и, подхваченные огненным вихрем, разлетелись по сторонам, кружась в пылающем фейерверке. От их визга заложило уши.

Глаза Ганса лопнули как рыбы пузыри и свернулись сморщенной пленкой. Нестерпимая адская боль медленно вонзалась в тело, будто тысячи маленьких иголок. Кожа горела, лопалась и темнела, превращаясь в черный пергамент. Его кожа!..

Огненная волна снова накрыла Ганса...

* * *

Брезентовый мешок с телом Франца Крюгера покачивался в движущейся тележке.

– Куда мы его везем, господин обер-шарфюрер? – спросил молодой прыщавый солдат у высокого тощего человека.

– Скоро увидишь, – ответил Карл Хольман. – Об этом тоннеле знают только двое: я и господин комендант... А теперь узнаешь и ты... Смотри не проболтайся никому! Иначе окажешься в таком же мешке. – Он ткнул пальцем на труп и покосился на солдата. – Думаю, скоро у нас работы прибавится. На базе происходит что-то странное, но об этом умалчивают.

– Почему? Разве это должно быть тайной? Ведь люди гибнут!

– Эта тайна не для простых смертных, Зигфрид, – сказал Хольман и мелко рассмеялся. – Но меня им не перехитрить! Раньше – что? Один-два покойника в год, да и то по собственной глупости гибли – все из обслуживающего персонала: кого током шарадахнуло, кого вагонеткой раздавило. А теперь – солдаты! Третий за месяц. Каково, а?.. Поворачивай направо.

Тележка свернула в узкий проход. Воздух здесь был просто ледяным. Огонь горящих факелов неровно задрожал. Зигфрид поежился и осмотрелся. По обеим сторонам арочного тоннеля выступали железные каркасные ребра, которые в отблесках факелов вырастали в размерах, вытягивались, а потом словно сжимались. Казалось, в этом месте, наполненном качающимися тенями, все лишено надежности и опоры.

– Знаешь, Вайс, а ведь тебе чертовски повезло! – продолжал Хольман. – Кем ты был раньше? Охранником топливного склада, который днями напролет нюхал всю эту горюче-смазочную отраву. А теперь? Теперь ты официальный помощник проводника в Царство мертвых! Ха-ха-ха! – Смех эхом раскатился по тоннелю. – Звучит зловеще, но я этой должностью горжусь. Поначалу и мне было неприятно, но ничего – привык, как видишь. Многие думают, что я полностью свихнулся. Но мне среди покойников спокойнее... Все. Тормози. Приехали.

Вайс всмотрелся в глубину тоннеля. Пламя факела неожиданно поднялось, разогнало окружавший мрак и тут же опало. Но он успел различить будку блокпоста и расположенную чуть дальше деревянную дверь, забитую досками крест-накрест и запертую на висячий замок. Сверху на двери был приколот кусок жести с изображением черепа с оскаленными зубами и двумя скрещенными мослами.

– А там что? – спросил Вайс. – Что за той дверью?

– Лучше тебе об этом не знать и навсегда забыть о ее существовании, – нехотя ответил Хольман и задумчиво добавил: – Ад там... самый настоящий... Давай-ка, помоги. – Он стащил мешок с тележки. – Дальше придется тащить это дерьмо на себе.

Хольман приподнял мешок:

– Чего стоишь? Хватай с другой стороны!

– А разве о покойниках можно плохо говорить? – суеверно осведомился Зигфрид.

– О-о-о! – протянул с ухмылкой Карл. – Вот ты о чем! О таких – можно! Редкий был засранец. Думаю, что и душа его после смерти вышла не через рот, как у благородных людей, а через задний проход – прямиком к дьяволу. Я как-то попал к нему в его железный ящик, именуемый карцером, и до сих пор вспоминаю те дни с глубоким отвращением. А теперь, волею судьбы, надсмотрщик оказался в моих владениях, и я отдам должные почести засранцу согласно своим правилам. Добро пожаловать в похоронную команду, Зигфрид!.. Нам налево – там есть еще одна дверь.

Вайс схватился за мешок, но тут же его бросил, словно коснулся прокаженного:

– Господи! Он пошевелился!

– Не валяй дурака, Зигфрид!

– Я клянусь! Он шевельнулся!

– Бери мешок! – ледяным голосом произнес Карл и, чуть смягчившись, по-отечески добавил: – Выдохни свой страх и принимайся за работу, парень. В таком месте еще и не такое померещиться может. Ничего, привыкнешь со временем.

Хольман на секунду замолчал и тут же спросил:

– Как ты думаешь, кем я был до войны?

– Откуда же мне знать? Работали в сфере ритуальных услуг? Верно?

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Карл. – А вот и не угадал! Я работал клоуном в провинциальном цирке.

– Кем? – удивился Зигфрид. Чего-чего, а такого он и предполагать не мог.

– Примечаю, ты мне не веришь? Ну и не надо.

– Просто... странно как-то.

Хольман сложил губы бантиком и, задорно мотнув головой, свистнул:

– Фью-ю-ю-ть!

А затем:

– Дамы и господа! А вот и я! Ваш Коротышка Шульц! – заорал дурашливым голосом. – Во как! Каково, а?.. Нынче такое время, что ничто не следует принимать за чистую монету, но мне верить можешь. Ну да ладно. Что там наш покойничек – успокоился? Если боишься, что он тебя покусает, то можно ему кирпич в пасть забить. Таким способом в средневековые всяких там вампиров умиряли, чтоб не шастали темными призраками по Европе.

Вайс, не отрывая взгляда от мешка, смущенно пробормотал:

– Простите, господин обер-шарфюрер, мне показалось, – и поднял мешок.

Похоронная команда растворилась в стенном проеме и, пройдя через узкий коридор, оказалась перед овальной железной дверью. Слышался пронзительный свист: откуда-то снаружи через щели поступал свежий холодный воздух. Хольман бросил мешок, подошел к двери и, повозившись с замком, распахнул ее внутрь.

– Тащи туда! – приказал Хольман, указав факелом в темноту. И отошел в сторону.

Вайс отдал свой факел Хольману, приподнял тяжелый мешок – так, чтобы он оказался у него под мышкой – и волоком потащил в темный проем. Молчаливый Хольман шел вслед за ним, освещая путь.

Они оказались на дне небольшой круглой шахты метров пяти в диаметре. Бетонное дно потрескалось, сквозь трещины просвечивался лед. Здесь лежала дюжина таких же брезентовых мешков, сваленных в кучу. Вайс положил труп Крюгера рядом, разогнулся и осмотрелся.

Стены, вырубленные в горной породе, были скреплены металлической каркасной конструкцией и уходили высоту метров на сорок. Сверху через стальную решетку просачивался бледный, голубоватый свет.

– Где мы? – спросил Вайс, задрав голову вверх и близоруко морщась. На его лицо падали осколки маленьких снежинок и тут же таяли.

– В заброшенной вентиляционной шахте номер три. – При свете факелов лицо Хольмана выглядело как маска смерти в сюрреалистическом кошмаре. – В этом месте дьявол пожирает грешников, вбирая их в свое огромное чрево! Добро пожаловать в Вальхаллу, парень!

И демонически рассмеялся, щерясь блестящими железными зубами...

4. Исповедь барона

Сентябрь 2010 года. Россия. Москва.

Старик смотрел куда-то вдаль: сквозь стену... сквозь время... сквозь реальность. Он что-то вспоминал... или просто не знал с чего начать разговор.

Напольные часы отбили восемь раз. Звук был громкий, как удары гонга.

Старик вздрогнул, моргнул глазами – взгляд замер на Николае.

Они смотрели друг на друга.

– Ты хотел мне что-то рассказать... – напомнил Ник. – Я тебя слушаю, дедушка.

В воздухе повисла тяжелая пауза.

– Николай, – медленно произнес старик, – я не хочу, чтоб ты подумал, что твой дед утратил рассудок и впал в маразм... Я столько раз все прокручивал в своей голове, а теперь не знаю с чего и начать...

– Начни с главного, – понимающим тоном сказал Ник. – Обещаю: смеяться не буду.

Дед очень долго смотрел на внука. Потом – со вздохом выдал:

– Ладно... Ситуация сложилась так, что я вынужден все тебе рассказать. Надеюсь, ты поверишь мне и прислушаешься к моим словам сердцем, а не только рассудком...

В первый раз Николай слышал в голосе деда дрожащую рассеянность и колебание. Блеск в глазах старика угасал. Он лежал на диване, подремывая: видимо, лекарство, введенное врачами, начинало действовать.

Старик секунду помолчал. А потом сказал такое, и сказал так небрежно, что на какое-то мгновение у оторопевшего Ника просто отнялся язык:

– Скажи, Коля, как меня зовут?

– Да... Но... – в голосе Николая сквозило замешательство. Слова камнем застревали в горле. – Но зачем ты это у меня спрашиваешь?

– Назови мое полное имя и фамилию! – непоколебимым тоном потребовал дед.

– Эдуард Федорович Воронов, – ответил Николай и подумал: «Что вколол ему чертов Айболит, отчего деда так понесло? Зря я ему деньги дал. Старик и имя свое забыл... да и бледный какой-то. Не дай бог сознание потеряет. Что потом делать?»

– Нет. – По лицу старика расползлась странноватая и немного отстраненная улыбка, которая тут же исчезла. – Я барон Эрих фон Фогель.

– С тобой все в нормально? – встревожился Ник. – Может, врачей вызвать?

Дед снова долго и проницательно смотрел на внука.

– Да-а-а! – наконец протянул он, усмехнулся. – Похоже на безумие, не правда ли? Я ожидал подобной реакции. Спасибо, что хоть сдержал обещание – не смеяться. А теперь слушай и не перебивай.

Ник не знал, что и ответить.

– Я родился в тысяча девятьсот восьмом году в Германии, – начал старик. – И являюсь потомком древнего рода баронов фон Фогелей, берущего свое начало с четырнадцатого века. Не буду в подробностях посвящать тебя в далекое прошлое наших славных предков – это сейчас не главное...

Старик закашлялся и попросил воды.

– Ты уверен, что с тобой все нормально? – настойчиво переспросил Николай, подав деду стакан с водой.

Старик сделал большой глоток, обтер губы рукой и, глубоко вдохнув, продолжил длинный рассказ, смотря в окно, за которым колыхалась листва старого дерева.

Николай слушал его, не перебивая, пока старик снова не закашлялся и попросил воды.

– Дедушка, как же ты выбрался из Антарктиды? – спросил Николай, подавая стакан. У него в голове скопился целый вагон вопросов, ему не терпелось их задать, но с дедом этот номер не прошел: тот любил порядок во всем, а в изложении мыслей – тем более.

Старик приподнялся на локте, обхватил своей ладонью руку Ника и сделал большой глоток из стакана.

Мозг Ника в это время собирал в кучу всю полученную информацию, от которой ему становилось не по себе. Мысли налетали одна на другую и не собирались выстраиваться в ряд.

– Не знаю, что произошло в дальнейшем с остальными людьми, но я выжил благодаря воле providения. Мы попали в снежную бурю, я отделился от группы и потерялся. Благодаря тому, что не поддался панике в тот момент, я смог трезво оценить ситуацию и решил переждать непогоду, вырыв нору в снегу и укрывшись в ней. Скучного провианта хватило ненадолго. Я решил, что вот-вот умру от голода и холода, но потом меня подобрала русские.

– Русские?..

– Да. Первая научно-исследовательская экспедиция Академии наук СССР. Но я сразу понял, что половина «полярников» были с Лубянки, и выложил все карты на стол. Зачем им было уничтожать лояльного «языка», владеющего полезной информацией, к тому же еще и неплохого ученого, биохимика, каковым я им представился? Они переправили меня на какой-то корабль, закамуфлированный под сухогруз, который направлялся в Севастополь. Так их ценный «трофей» попал в Советский Союз. Конечно, русские огорчились, узнав о гибели интересующих их объектов, но мои научные познания снова спасли мою жизнь.

– И ты работал все эти годы на КГБ?

– Я точно не знаю, на какую именно организацию мне приходилось работать, Коля, – ответил дед, акцентировав на слове «именно». – Лишние вопросы в подобной среде всегда приносят лишь вред. И я старался их поменьше задавать, как себе, так и окружающим. После гибели моей первой семьи в Германии, я думал, что навсегда останусь один на один со страшными кошмарами, которые мне снились почти каждую ночь. Но потом я встретил твою бабушку, и жизнь дала мне еще один шанс. Я не имел права рисковать дорогими мне людьми из-за своих нравственных убеждений. Болтунам быстро укорачивали язык: отправляли в психиатрические клиники или уничтожали – такие случаи имели место.

– Но, если ты рассказал сотрудникам спецслужбы про базу, неужели ее никто не пытался найти?

– Почему же? – искали. Очень долго искали. – Дед слабо улыбнулся, но улыбка получилась какой-то презрительно-кислой. – Но не ту, что требовалось. Я рассказал им о базе «Двести одиннадцать», на которой пробыл всего неделю. Я не знал ее точных координат, и эти поиски закончились полной неудачей. Да и что там можно было найти кроме смерти от гамма-излучения, в те годы практически неизученного?

– Значит, база «Черное Солнце» до сих пор существует? – негромко спросил Ник, как будто боялся, что его кто-то подслушивает.

– В этом и беда – существует. Ее нужно уничтожить, и чем скорее, тем лучше. Когда ты был совсем маленьким, это должен был сделать твой отец, но он погиб в Женеве... при очень странных обстоятельствах. Скорее всего – убили...

Слепое чувство потери близкого человека словно вернулось из детских воспоминаний, окатив сердце Ника горькой волной.

– Когда я узнал подробности гибели сына, – продолжал дед, – то понял: группа фашистов выжила и смогла выбраться из Антарктиды, а теперь кто-то из них пытается добраться и до похороненных на базе секретов. Этот «кто-то» ищет меня. Год назад я заметил за собой слежку.

– Но почему эти люди следят за тобой? Ты ведь не знаешь точных координат базы! Что им нужно?

– На базе осталась сыворотка. С помощью того препарата можно привить любому организму уникальные сверхспособности. Понимаешь? Власть над миром! Бессмертие богов! Но безумцы не понимают, что при этом они утратят свое природное обличье.

– Почему ты не уничтожил сыворотку?

– Не успел, оставил в сейфе лаборатории.

– Может, не захотел?

Дед промолчал.

– А вакцина? Ты ведь создал и ее? – поинтересовался Ник.

– Да. Создал – и уничтожил. Но боюсь, при современном развитии науки ее можно воссоздать гораздо быстрее, чем это получилось тогда у меня. Насчет координат все гораздо проще. Однажды, когда мы с комендантом остались наедине, я снял с его шеи странной формы медальон. Он был тяжело ранен, находился без сознания. Я не мог упустить такой шанс. Медальон – ключ к базе.

– Так значит...

– Да. Меня, по сути, до сих пор преследует хозяин медальона – штандартенфюрер Отто Штольц. Комендант базы «Черное Солнце». Тогда ему было под шестьдесят лет, и он вряд ли дожил до сего времени, но он мог передать информацию кому-то другому – американцам или недобитым фашистам в Аргентине. Штольц был плохим человеком, но воякой – честным. А это, знаешь ли, не всегда обеспечивает старость. И если созданный мною препарат попадет к ним в руки, то гибель человечества будет неизбежна. Теперь вся надежда на тебя. Я уже слишком стар и немощен.

– Но зачем им нужна сыворотка? Это ведь ужасно! Они могут погубить человечество как вид!

– В том-то и дело, Коля. Как сказал Марк Твен: «Если бы человека можно было скрестить с котом, это улучшило бы человека, но ухудшило бы кота». А здесь все получается наоборот. Человека невозможно улучшить чужой эволюцией, а лишь дать возможность этому «коту» полностью его съесть – как мышку.

– Но как я доберусь в Антарктиду? Для экспедиции нужны колоссальные средства, а их у меня нет. А в помощники потребуются опытные полярники, да и военные специалисты тоже...

– За финансы не беспокойся. В дневнике ты найдешь нужную информацию. Это деньги нашей семьи. Надеюсь, за долгие годы там набежали неплохие проценты, должно хватить.

– В дневнике? Ты никогда не говорил, что ведешь дневник.

– Об этом позже. Человек, у которого хранится одна полезная вещичка, поможет тебе. А в остальном – полагайся на себя. Не у всех людей в груди бьется злое сердце. Если ты внимательно присмотришься к своим друзьям и знакомым, то найдешь достойных помощников.

– А монстр... существо... оно живо? Живо до сих пор?

– Не знаю, Коля. Мы еле ноги унесли из тех адских подземелий. Комендант послал отряд для уничтожения базы. Солдаты справились с поставленной задачей, но никто из них, до того как прогремели взрывы, на поверхность уже не выбрался...

– Господи, господи... – прошептал Николай, потерев пальцами лоб. – Ну зачем, зачем делать такое? В этом Аненэрбе работали сплошь одни психопаты?

– Да, Коля, – услышал его дед, – в большинстве своем. Понимаешь ли, многие данные о сверхсекретных исследованиях этой организации до сих пор не подлежат рассекречиванию, оставаясь тайной за семью печатями, но тогда спецслужбы так и не обнаружили основную угрозу. Слава Богу...

– Слава Богу?... – опешил Ник.

– Да. Иначе уже давно бы наступил конец света.

На лбу у Николая выступил мелкий пот. Сердце почему-то аритмично затрепыхалось, словно он услышал протяжный собачий вой – звук незримого предвестника беды.

* * *

Ник ходил из угла в угол по гостиной. Его мысли ушли на самое дно сознания и не хотели подниматься на поверхность. Старик, прищурив глаза, молча наблюдал за ним: внуку нужно было время, чтобы прийти в себя после всего услышанного. Ведь не каждый день обычному человеку предлагают надеть доспехи, взять в руки меч и сразить инопланетного дракона, которого тот и в глаза не видел.

Ветер снаружи усилился, став порывистым. И теперь ветви старой акации мерно ударились о стекла. Солнце то загоралось, то потухало, прячась за синюшными облаками. Иногда срывался мелкий дождь, оседавший на оконный отлив скребущейся барабанной дробью, но он так же быстро исчезал при очередном порыве ветра, а затем снова возвращался. Погода портилась окончательно, и это не добавляло Нику настроения. На роль Мессии он явно не подходил. Но другого кандидата, видимо, просто не было. И он это прекрасно понимал. Что он мог – один?

Николай остановился возле окна и оперся руками о подоконник. По его телу пробежала неприятная, знобящая дрожь.

– Николай! – окликнул его дед. – Подойди.

Ник повернул голову, тяжело вздохнул. Подошел к деду, сел рядом и взял его за руку.

Лицо старика прорезали морщины волнения и усталости.

– Ты принял решение? – строго спросил барон, пристально всматриваясь в лицо внука.

Николай смотрел на деда, не отводя глаз.

Тот понял все без слов.

– Ты сделал правильный выбор, Коля. Сходи в кабинет. На столе стоит небольшой бюст Ленина. Принеси его сюда и возьми в кухонном шкафу топор для разделки мяса – понадобится.

– Конечно, конечно, – язык плохо слушался Ника. И снова оторопел от очередной просьбы деда. «Зачем ему топор-то сдался?» – но сказал:

– Сейчас принесу.

Николай прошел на кухню, порылся в ящиках шкафа и с трудом отыскал небольшой топорик. Покрутил в руке – им явно давно не пользовались: топориче было в засохшем жире и пыли, а лезвие заросло ржавым налетом.

«Да-а-а, грязноват!» – подумал Ник, брезгливо разглядывая топор. Сложил обратно в ящик ненужные вещи, вынутые во время поиска топора, и проследовал через гостиную в кабинет.

Погода за стенами дома портилась окончательно, вступая в темную фазу. Когда Николай проходил мимо окна – по небу полоснули разряды молний. Громыкнуло так, что заложило уши и задребезжали стекла в рамах. Комната, наполненная полумраком и вспышками, напомнила Нику какой-то кинофильм с готическими кошмарами. Да и сам он, крадущийся словно тень с топором в руке, походил на маньяка из второсортного фильма ужасов.

В кабинете Ник включил свет и осмотрелся.

Все как всегда. Вещи и мебель находились на своих местах: бесчисленное количество книг – на полках; монументальных размеров глобус – в углу, рядом – две дубовые кадки с огромными фикусами и софа; массивный стол, обитый зеленым сукном, стоял напротив окна; вдоль одной из стен висели портреты выдающихся ученых и мыслителей разных эпох.

Ник подошел к столу. На нем стоял старый телефон, похожий на деформированную гирию циркового силача, лампа времен сталинизма, гипсовый бюст вождя пролетариата и ноутбук последней модели.

Ник взял подмышку скульптурку и вернулся в гостиную.

Дед сидел на диване, сцепив руки перед собой, и ловил каждое движение Николая.

– Поставь на журнальный столик, – приказал он. – Аккуратно. Не спеши.

Ник выполнил волю деда.

– А теперь, – продолжил старик, – расколи топором голову этому душегубу! Бей не сильно, но точно по центру.

Ник развернул бюст (затылком к себе), отступил на шаг и, охватив рукоятку топора обеими руками, прицелился.

Только сейчас Николай понял, зачем дед все эти годы хранил никчемный атрибут прошлого в исполнении неизвестного скульптора: внутри плешивой гипсовой головы с клинообразной бородкой находилось что-то очень важное.

Короткий удар расколол бюст напополам – куски гипса рассыпались по столу. Среди обломков Ник заметил небольшой сверток из пропитанной асбестом ткани.

– Давно мечтал попотчевать Ильича подобным образом, – раздался голос старика. – Все только Сталина привыкли осуждать, а ведь этот нелюдь за три года своей диктатуры загубил невинных душ больше, чем Иосиф Виссарионович за все годы своего правления. А его – в мавзолей! За какие заслуги, скажите!

Как ни странно, но насчет «небес» дед угадал: гром прекратился, и комната озарилась лучами света. Ветер стих.

Мистика какая-то – да и только!

Николай взял в руки сверток и развернул. Внутри оказался металлический футляр цилиндрической формы.

– Открывай осторожно! – предостерег дед. – Это не совсем обычный футляр. Прижми сначала крышку до щелчка, а уж потом выкручивай пробку по часовой стрелке.

«Понятно. Обратная резьба...» – Ник нажал ладонью. Раздался щелчок, будто кто-то взвел курок охотничьего ружья.

Старик внимательно наблюдал за ним.

– Выкручивай по часовой стрелке! – строго напомнил тот.

Ник открутил пробку и высыпал содержимое футляра на стол: небольшой странной формы диск и свернутый трубкой лист бумаги, запаянный в плотный полиэтилен.

– Что это?.. Это и есть амулет коменданта базы? – поинтересовался он, рассматривая необычный диск размером с советский рубль. Одна сторона была плоской с неглубокими зигзагообразными прорезями и изображением какой-то странной крутящейся свастики, другая – с выпуклыми бороздками такой же конфигурации и какими-то цифрами, по центру – небольшое зубчатое отверстие. По ободку диска шли рунические символы, но Ник не стал расшифровывать их смысл, зная, что нацисты использовали эти знаки больше для значительного вида. Скорее всего, это был очередной бред Карла Вилигута.⁶

– Этот диск, Коля, и есть тот самый ключ к базе, – пояснил дед. – По виду необычная безделушка, похожая на медальон свихнувшегося на эзотерике нациста, но это не совсем так. Подойди к часам и приложи его к маятнику.

Ник подошел к часам и исполнил указание деда.

Диск моментально прилип к маятнику. Часовая и минутная стрелки дрогнули, остановились и через секунду задергались, как паралитики, двигаясь в обратном направлении.

Николай с трудом оторвал намагниченный диск от маятникового механизма и качнул его рукой.

Часы заработали: стрелки вновь мерно отшагивали свой маршрут в правильном направлении.

⁶ Карл Мария (Вайстор) Вилигут (10 декабря 1866, Вена – 3 января 1946, Арользен) – немецкий язычник, серьезно повлиявший на мистические настроения Третьего рейха. В 1924–1927 Вилигут находился в психиатрической клинике в Зальцбурге с диагнозом шизофрения.

– Интересный приборчик, не правда ли? – заметил дед. – Я провел кое-какие исследования, случайно обнаружив эти необычные свойства. Медальон сделан из особого металлического сплава и поляризовано намагничен. Изучив его внимательней, я понял, что диск является чем-то вроде вспомогательного устройства для компаса-радиомаяка. И что самое интересное – не обычного магнитного компаса, а самоориентирующегося по положению солнца. Думаю, при помощи этого компаса ты без труда найдешь точные координаты базы. Не зря же за этим диском охотятся нацисты! Дряхлый старик их вряд ли интересуется.

– Но...

– Ты хочешь спросить: а где взять такой компас? – перебил Ника дед, словно угадав его мысли. – Он имеется и у тех людей, кто разыскивает базу. Но они вряд ли станут тебе хорошими компаньонами. Да и не нужны они нам вовсе. Один из моих друзей сумел воссоздать подобное устройство. Как найти этого человека? Очень просто. В запаянном пакетице лежит схема, на которой указано место, где спрятан мой дневник. Там есть нужный адрес. Кроме тебя вряд ли кто сможет прочитать записи.

– Почему?

– Ты помнишь нашу считалку, которой я тебя обучил в детстве?

Ник подумал и кивнул. Хотя детская считалка была и не совсем детской – в ней присутствовали некоторые слова, которые многие взрослые люди запрещали детям произносить вслух. Но именно такие слова дети чаще всего запоминают быстро и надолго. Запретный плод всегда сладок.

– Считалка – ключ к шифру, – продолжал дед. – Это своеобразный Кубик-рубик⁷. В детстве я научил тебя собирать эту игрушку-головоломку по специальной схеме. Вставь тот же порядок сборки цветов в считалку и прокрути слова. У тебя получится алфавит, с помощью которого ты сможешь прочесть дневник и узнаешь много полезной информации, в том числе, где искать компас. Поедешь на нашу старую дачу. Тайник находится там. Инструменты найдешь в сарае. Но этого будет недостаточно. В моем кабинете в нижнем ящике стола лежат аэрозольный баллончик, фонарь с ультрафиолетовой подсветкой и конверт. Возьми их – пригодятся.

В голове у Николая творилось неладное: неприятное чувство тревоги опять лениво зашевелилось и поползло по цепенеющему телу вниз – словно спускаясь по огромному дереву к корням, цепляясь и застревая в его сучках.

– Да, кстати, ты правильно сделал, что отвинтил пробку так, как я тебе сказал, – продолжил дед. – Это ведь не совсем простой футляр – у него есть свои секреты. Пробка могла выкрутиться и в обратном направлении, но тогда моим правнукам не с кого будет брать пример. Я работал с одним инженером, который создавал подобные штуки.

– И что это за штука? – спросил Ник, настороженно покосившись на поблескивающий цилиндр.

– Мина-ловушка, – как-то буднично ответил дед.

Ник поежился. Холодок пробежал по спине.

– А раньше, дедушка, ты не мог об этом сказать?

– Я ведь предупредил тебя...

– Она мощная?

– Ее заряда вполне достаточно чтобы в радиусе пяти метров все превратилось в черную пыль, – пояснил старик.

– Термический заряд?

⁷ «Кубик Рубика» (разговорный вариант Кубик-рубик; первоначально был известен как «Магический кубик») – механическая головоломка, изобретенная в 1974 году (и запатентованная в 1975 году) венгерским скульптором и преподавателем архитектуры Эрне Рубиком.

Дед кивнул:

– Возьми футляр.

Ник с опаской взял цилиндр и выжидающе посмотрел на деда.

– Вставь пробку, сделай пол-оборота вправо, прижми и закрути против часовой стрелки. – Ник в точности исполнял все указания деда. – Слышишь щелчок? Все. Теперь футляр можно свободно вскрыть обычным способом. Поставь на стол.

Николай осторожно поставил цилиндр и вытер со лба выступившую от волнения испарину.

– Сейчас взрывное устройство безопасно?

– Для нас с тобой, да, – уклончиво ответил дед и покосился на воткнутый в розетку «фумигатор» – на приборчике рядом с мигающим красным светодиодом появился зеленый огонек. – Теперь иди. Никогда не бойся делать выбор, если на карту поставлена жизнь людей. С тобой ничего плохого не произойдет.

– А с тобой?

– Со мной тоже все будет хорошо. Удачи тебе, Коля, и береги себя до того времени, когда настанет момент и ты сделаешь свой выбор.

– Выбор чего? – спросил Николай, не поняв до конца смысл этих слов.

Старик ничего не ответил, лег на диван и закрыл глаза.

Николай вернулся в кабинет и забрал из стола все необходимое. Когда проходил через гостиную к выходу, он мельком бросил взгляд на деда.

Барон Эрих фон Фогель, посапывая, безмятежно почивал.

Ник разорвал упаковку, достал вчетверо сложенный листок, развернул и внимательно изучил нарисованную на нем схему. После чего скомкал бумагу и сжег в пепельнице. Память у него была фотографической, и на запоминание всех мелочей ушло всего несколько секунд. Мысленно перекрестив деда, Воронов вышел из квартиры, тихонько прикрыв за собой дверь.

* * *

Когда Воронов выходил из подъезда, то столкнулся с каким-то крепко подвыпившим мужиком, одетым в заношенные лохмотья китайского производства. Тотдохнул в лицо Нику омерзительным запахом перегара и упал к его ногам с таким видом, будто на него наехал грузовик. Видя, как пьяница беспомощно сучит ногами и перекатывается на спине, Ник помог ему подняться. Мужик не извинился, но, что-то невнятно бормоча, дружески облапил Николая грязными руками и, шатаясь, вошел в подъезд, употребив напоследок несколько слов из личного запаса ненормативной лексики.

Ник брезгливо отряхнул куртку и на всякий случай проверил содержимое своих карманов – разные ловкачи попадают. Все оказалось в целости и на своих местах. Пальцы нащупали визитку таксиста. То, что надо! Он достал ламинированную карточку. На ней был номер мобильного телефона и имя «Василий».

Воронов достал из кармана сотовый телефон и набрал номер, указанный на визитной карточке. После непродолжительных гудков – связался с абонентом.

Машина подъехала на удивление быстро – Ник и сигарету не успел докурить.

– К вашим услугам! – весело отсалютовал Василий и с хитринкой в тоне добавил: – А я знал, что вы позвоните. Поэтому и стоял неподалеку – в соседнем квартале. Куда на этот раз? И как быстро?

Николай назвал адрес.

Василий, словно в его голове находился навигатор, быстро определил в уме маршрут и расстояние до конечной точки, назвал цену и открыл скрипучую дверцу. Николай, не торгуясь, сел в машину.

«Тойота» круто развернулась и, взвизгнув протекторами шин, резво сорвалась с места. Очевидно, Василий по-другому ездить просто не умел. Воронов тяжело вздохнул и вжался спиной в сиденье.

Минуто спустя из арки медленно выехал микроавтобус.

* * *

В дверном замке что-то заскреблось, клацнуло.

Дверь приоткрылась, пропустив снаружи полосу света. В просвет просунулась чья-то голова, прислушалась и тут же исчезла. Затем в полутьму скользнула озирающаяся по сторонам тень, держащая в руке странный продолговатый предмет. Она прошла по коридору и свернула в гостиную, залитую солнечным светом.

Человек взглянул на спящего старика и неспешно обошел комнату, не забыв заглянуть в кабинет и спальню.

– Решил на себя шкуру вора примерить? – раздался за его спиной старческий голос.

Человек вздрогнул и резко обернулся.

Старик проснулся и, щурясь, с недоброй улыбкой на лице рассматривал непрошеного гостя – небритого черноглазого мужчину с лохматыми волосами цвета вороньего крыла, стоявшего вполоборота к нему.

– Спокойно, старый, не дергайся! – грубо процедил брюнет. Ствол пистолета с глушителем нацелился на старика. – Медленно вытащи руки из-под одеяла и покажи их мне.

Дед вытянул руки вперед, растопырил пальцы и пошевелил ими.

– Спасибо за понятливость, – стеклянным голосом проговорил неизвестный, не сводя с него глаз.

– Спасибо на пузо не намажешь! С чем пожаловал, сынок? Неужто решил у старика забрать пенсию?

– Не паясничайте, барон, – хмуро пробурчал брюнет и добавил по-немецки: – Барон Эрих фон Фогель, если не ошибаюсь? Вы все рассказали внуку? Отвечайте!

Барон промолчал.

– Молчишь?.. – перешел на «ты» брюнет и приблизился к старику. – Представляться не буду. Ты и сам уже обо всем догадался: кто я, кто меня прислал и для какой цели. – Его взгляд упал на гипсовые осколки и металлический цилиндр: – Эта штуковина из тайника?

Брюнет склонился, взял в руку футляр. Старик почувствовал разящую от него смесь запахов перегара и табака.

«Чего тут гадать? Убийца он и есть убийца! – мысленно вынес вердикт барон. – Докатились киллеры – уже и на дело с похмелья ходят! Что, рожа, пальнуть не можешь без поднятия своего мерзкого духа? Ты не отвлекайся, милок, крути крышечку, крути...»

– Вы зря, барон, продались этим коммунистическим свиньям, – начал разглагольствовать брюнет, снова «выкая», медленно выкручивая пробку из цилиндра. – У нас вы бы и жили по-другому, совсем по-другому... Но вы предали свою родину и должны будете понести наказание...

Старик его не слушал. Слова убийцы растворились в какой-то пелене, окутавшей сознание барона. Он бросил последний взгляд на безмолвные стены, которые словно немые свидетели склонились над ним, на дерево за окном, сквозь листву которого проникали солнечные лучи, и закрыл глаза. Раздался гулкий набатный звон напольных часов, будто подводивший итог времени... минувшим годам... итог всей жизни, прожитой в сомнениях и восторгах, в страданиях и любви, в отчаянии и надеждах...

– ...Вальхалла открыта лишь тем, кто хранит верность нашим идеям, барон, а ваша душа обречена на вечные скитания... – надменно говорил брюнет.

– Позаботься лучше о своей душе, – прошептал дед.
– Что?.. – не понял брюнет.
В цилиндре что-то сухо щелкнуло.

* * *

Приземистая «тойота» выскочила на автотрассу Москва – Санкт-Петербург, добавила скорости и начала пожирать дорогу огромными кусками. Воронов не переставал удивляться живучести автомобиля, который, словно борясь за продление своей жизни, играл железными мускулами поршневой системы и пытался доказать владельцу свою собачью преданность. Николай уныло всматривался в асфальтированную поверхность и пунктирную разметку дороги, исчезающую под брюхом машины, и о чем-то напряженно думал.

Воронов чувствовал себя не совсем уверенно перед лицом неизвестности. Так же, наверное, в старину волновался капитан парусника, затерявшегося в ночном штормящем море, если не видел спасительный огонь маяка. В душу снова закрались сомнения и страхи. Оставалась лишь одна надежда – что дед выдумал ужасную историю. Но зачем?..

5. Мертвецы

Ноябрь 1946 года. Антарктида.

Секретная подземная база «Черное Солнце».

Обугленный кусок кожи вздулся, растрескался и отвалился. Обнажилась влажная плоть нежно-розового цвета, покрытая желтоватой сукровицей. Вслед за этим, будто по цепной реакции, все тело покрылось сухими черными волдырями, которые лопались и осыпались грязной шелухой, смешиваясь со склизкой кровянистой поверхностью. Сморщенная пленка в темной глазнице надулась белесым пузырем и, приобретая эластичность, выпучилась мутной линзой наружу. В ее глубине происходил странный процесс: по центру вновь образовавшегося глазного яблока расплылось темное пятно, а затем словно какой-то живописец добавил красок с палитры и смешал их кисточкой. Черно-желто-зеленая цветовая гамма обретала форму, превращаясь в кошачий глаз...

* * *

Заставленный черной старинной мебелью кабинет коменданта Штольца был достаточно просторным, но в то же время напоминал антикварную лавку: всюду стояли бронзовые бюсты, статуэтки обнаженных женщин, в тяжелых рамах на стенах висели картины. На огромном инкрустированном по обводу столе красовались фигурки хороших наряд с трезубцами и кувшинами. Одна из стен была задрапирована тяжелыми шторами и тюлевыми гардинами, что создавало эффект занавешенного окна. Весь интерьер комнаты говорил о больших возможностях его хозяина, однако домашнего уюта не создавал.

Штолец дремал в глубоком кожаном кресле. Свет ближайшего электрического канделябра горел над ним, рассеивая полумрак и отражаясь от полированных поверхностей мебели. Когда зазвонил телефон, комендант неспешно приподнялся, протер глаза и поднес к уху трубку:

– Слушаю.

– Господин штандартенфюрер! – послышался взволнованный голос его личного секретаря Хельмута Берга. – Получена радиограмма... – говоривший человек затих, как будто не мог подобрать нужные слова.

– Ну же, Хельмут, не молчите.

– База «Двести одиннадцать» уничтожена...

– Что?! – Штолец мгновенно отошел от сна, вскочил с кресла. – Вы что несете, Хельмут?! Кем уничтожена? Бэрд добрался до нее?

– Так и есть, господин штандартенфюрер, – извиняющимся тоном затараторил секретарь. – Американцы обнаружили их и провели газовую атаку. Руководство Новой Швабии отдало приказ о самоликвидации базы. Атомные котлы взорваны... все погибли.

– Вы пытались восстановить радиосвязь с «Двести одиннадцатой»?

– Так точно. Но нам никто не ответил.

– Слушайте мой приказ... – Рука коменданта невольно потянулась к затылку. – Во-первых, привести базу в полную боевую готовность, но информацию об уничтожении «Двести одиннадцатой» во избежание паники не разглашать. Вам ясно?

– Яволь! – ретиво ответил секретарь. – Но как мы это объясним людям?

– Во-вторых, – продолжал Штолец, пропустив мимо ушей вопрос секретаря, – радиостанцию нужно уничтожить. Нам нельзя ни в коем случае выходить на связь – американские

самолеты-разведчики в два счета запеленгуют. В-третьих, срочно доставьте ко мне профессора Майера и доктора Фогеля. Об исполнении немедленно доложить.

– Есть, господин штандартенфюрер!

– Кстати, Хельмут, – вспомнил комендант, – а что там с уничтожением крыс и... трупом обезьяны?

– Двух тварей убили, а остальные как сквозь землю провалились. Труп обезьяны тоже не могут найти. Есть потери среди личного состава – пять человек из роты охраны и еще трое из обслуживающего персонала.

– Крысы?

– Так точно.

– Усилить поисковые группы и уничтожить всех этих тварей. Даю двадцать четыре часа на проведение операции, вам ясно?

– Так точно, господин штандартенфюрер!

Штольц положил трубку на рычаг и поморщился, словно от зубной боли. Какая-то черная тяжесть появилась у него в груди, а в руках и ногах прошел неприятный холодок. Он впервые в жизни растерялся.

Конечно, на базе довольно большой запас продуктов питания и топлива, не считая готовых к запуску атомных котлов, которые можно было бы использовать как энергетические источники в течение нескольких десятилетий – этого хватило бы на долгое автономное существование. Но, если американцы не остановятся на достигнутом и будут продолжать поиски, то, вполне вероятно, вскоре смогут обнаружить следы и этой подземной базы. Грядущие события невозможно было спрогнозировать. От этих мыслей Штольцу вдруг стало немного боязно. Еще и эти проклятые крысы!

Через двадцать минут в дверь постучали и в кабинет вошли трое: Майер, Фогель и Берг. Они остановились в центре комнаты – на мозаичном полу с изображением оккультного символа «Черного Солнца»: трех concentрических кругов и крутящихся в них двенадцати молний.

Хельмут Берг молодецкато щелкнул каблуками и вскинул в приветствии руку.

– Ваше приказание выполнено, господин штандартенфюрер! – доложил он.

Штольц отмахнулся рукой, и устало сказал:

– Спасибо, Хельмут. Вы свободны.

Секретарь удалился.

– А вы, господа ученые, проходите и присаживайтесь. У нас будет долгий разговор.

Ученые слегка замешкались, но вскоре устроились на предложенных им стульях. Комендант окинул их тяжелым взглядом.

– Итак! – начал он. – Доложите о результатах ваших исследований в краткой и доступной для понимания военного человека форме.

Ученые переглянулись.

– Работа по созданию вакцины против внешней мутации нами практически завершена, – сказал профессор Майер. – Но провести опыты с геномом человека мы пока не решаемся из-за случая, произошедшего с крысами. – Профессор мелком взглянул на Фогеля, и тот кивнул в знак солидарности. – Мы приостановили дальнейшие исследования. Сорняк, как говорится, уничтожен, но семена проросли на чужой грядке...

– Не говорите загадками, профессор, – потребовал Штольц. – Я всегда полагался на вашу компетентность, господа, но чем же вызвано столь единодушное решение приостановить опыты?

– Дело в том, господин комендант, что мы сделали вывод: момент качественного преобразования генома невозможен из-за ряда причин. Во-первых, опытные образцы – крысы – не имели морально-нравственного носителя, потому и превратились в монстров. Во-вторых, мы не уверены, что и люди идеальны в этом отношении. А в-третьих...

– Стоп! – резко перебил Майера комендант. На его лице заиграли желваки. – Это что – саботаж? Да?! Я сыт по горло вашей нравственностью! Если вы так боитесь этих крыс, которых сами же создали и позволили им разгуливать по всей базе, то можете не беспокоиться – их уничтожат в ближайшее время мои люди. Это я вам обещаю! Но, если вы решили морочить мне голову... – Штольц не договорил и сжал кулак с такой силой, что хрустнули суставы пальцев. – Кстати, двух тварей мои солдаты уже сожгли и с остальными управятся, не сомневайтесь... А лично вам я бы не советовал испытывать мое терпение – оно не безгранично.

Профессор поник и отвернулся, но доктор взгляда не отвел, хотя и его храбрость держалась на честном слове.

– Их невозможно убить подобным образом, – проговорил Фогель, смотря в глаза Штольца. – Вчера мы были в том месте, где ваши солдаты сожгли крыс, но их трупов мы не обнаружили.

– И?..

– Они полностью регенерировали за одну лишь ночь и сбежали.

– Не говорите ерунды, доктор, – комендант криво усмехнулся, но его толстые пальцы нервно застучали по столу. – В таком пламени еще никто и ничто не выживало...

Майер и Фогель промолчали.

Штольц хмыкнул, поднял с рычага телефонную трубку и набрал номер.

– Хельмут, – после длинных гудков распорядился он. – Срочно проверьте, где сейчас находятся останки сожженных крыс... Что? Хельмут, вы стали обсуждать мои приказы?.. Исполнять!

Комендант повесил трубку и потер кончик своего мясистого носа.

– В общем, так, дорогие мои эскулапы, – бескомпромиссно произнес он, задумчиво разглядывая невозмутимые лица ученых. – Ваш отказ выполнять свою работу я не принимаю. Приказываю ускорить работу и в кратчайшие сроки создать новый биологический вид любыми способами. Сама судьба ставит нас на грань выживания. Полчаса назад мне доложили, что база «Двести одиннадцать» уничтожена американским десантом.

Лица ученых накрыла маска изумления.

– Удивлены? Янки долго не церемонились: залили отравляющими газами не только военных, но и гражданских – вместе с их женщинами и детьми. Не сегодня-завтра может настать и наш черед. Нам их не сдержать – силы слишком уж неравны. Базу придется уничтожить в ближайшее время, а личному составу эвакуироваться. В трехстах километрах от нас есть запасная гавань с тремя подлодками – до Южной Америки доберемся без проблем...

Телефонный звонок прервал Штольца. Он поднял трубку, послушал, и что-то в его лице тут же изменилось. Теперь на ученых смотрели совершенно другие глаза: наполненные тревогой и словно перешагивающие через невидимые преграды.

– Ваша информация подтвердилась, – сухо проговорил комендант и положил трубку. – Этих тварей можно уничтожить каким-либо другим способом?.. Взрывчатка подойдет?

– Не уверен, – ответил доктор Фогель. – Регенерация все равно будет происходить.

– Хотите сказать, что они сами себя по кусочкам соберут? – не поверил Штольц.

– Так и будет, – убежденно ответил Фогель. – Но регенерацию можно замедлить, если подвергнуть клетки организма резкому охлаждению или нагреву, а затем отсечь мутанту голову и сразу же унести ее как можно дальше от тела. Единственное, что теоретически может уничтожить инородный организм – это емкость с серной кислотой либо плавильная печь с очень высокими температурами.

– Мы можем произвести достаточное количество серной кислоты?

– Да. Но на это уйдет слишком много времени.

– А жидкий азот?

– Задержит регенерацию на продолжительный срок, но до конца организм не убьет. Кстати, господин штандартенфюрер, а что вы собираетесь делать с существом, находящимся в саркофаге?

– Уничтожить, – коротко ответил Штольц. – Но после того как вы закончите исследования.

– Каким образом? – поинтересовался Фогель.

– Вы только что говорили о плавильной печи. Изнутри бункер обшит металлическими листами – идеальное место, где можно поджарить эту тварь.

– Как нехорошо, – прошептал Майер. Он был явно расстроен.

– Что – нехорошо? – удивился Штольц. – Вы же сами недавно хотели этого!

– Нехорошо... и глупо, – одними губами шевелил профессор. – Может, есть возможность взять существо с собой?... Все-таки оно...

– Все! – воскликнул комендант и хлопнул по столу. – Вопрос снят с обсуждения! Я закрываю проект «Сфинкс». Хватит с меня и крыс! Я отдам приказ демонтировать саркофаг и уничтожить существо. Вы, кажется, просили образцы его мозга? Пожалуйста – берите! Можете вообще разрубать его на части и перекрутить в мясорубке на фарш. Мне нужны положительные результаты в кратчайшие сроки! Приступайте к работе! Немедленно!

– Господин комендант, – осторожно начал Фогель, – мы могли бы ознакомиться с архивными материалами? У вас ведь имеется архив, верно? Нас интересует информация о месте, где обнаружили неизвестный организм – это поможет нам скорее справиться с поставленной задачей.

Штольц подался вперед, его глаза хитро прищурились.

– Значит, все-таки догадались?

Глаза Фогеля ясно говорили: «Вы долго пытались водить нас за нос и лгали, но мы и так кое-что знаем». Он кивнул.

– Ну что ж, – Штольц достал из ящика стола связку ключей и медленно встал. Его голос был подчеркнуто-вежливым и в то же время холодным: – Пройдемте в другую комнату. У меня есть то, чем вы так интересуетесь.

Ученые поднялись и направились вслед за комендантом.

Они спустились вниз по спиральной лестнице в темное помещение.

Клацнул выключатель.

Гирлянда светильников моргнула и осветила длинный узкий коридор с множеством дверей. Комендант подошел к одной из них, открыл, обернулся к ученым и жестом пригласил их пройти внутрь.

Комната была оборудована под небольшой кинозал. В дальней стене было вделано большое матово-белое квадратное полотно; перед ним стояла дюжина кожаных кресел с высокими спинками; за ними – небольшой стол с кинопроектором. Вдоль боковых стен стояли шкафы и тянулись полки с дискообразными блестящими коробками.

– Устраивайтесь поудобней, – сказал Штольц.

Ученые плюхнулись в мягкие кресла с деревянными подлокотниками и стали озираться по сторонам.

Комендант подошел к одной из полок, пробежал взглядом по надписям на коробках и взял одну из них. Затем он снял с коробки крышку, достал бобину с намотанной киноплёнкой и закрепил в проекторе. В аппарате загорелась лампочка, что-то загудело. Сухой треск наполнил комнату.

Ученые переглянулись и замерли, смотря на экран.

Полотно озарилось, появились уступчатые очертания ледяных скал, заснеженная антарктическая пустыня и нависшее над горизонтом солнце. Узкие вереницы обледенелых сопков, похожих на верблюжьи горбы. Вдалеке – большой поселок неприхотливой архитектуры с плос-

кими крышами и дымящимися трубами. Чуть ближе – несколько брезентовых палаток, мачты радиостанций, топливные цистерны; извилистая дорога, уходящая вправо, почти параллельно ледяному обрыву берега. Темнота. Затем какие-то люди в теплой меховой одежде и солнцезащитных очках махали руками невидимому оператору и что-то кричали; возле них развевалось на ветру полотнище с черной свастикой. Опять темнота. Через секунду на экране снова появилось изображение: поползла вереница тяжелых машин на гусеничном ходу с прицепленными к ним груженными санями и в объектив попала высокая коническая гора, сверкающая закатным солнцем. Два человека разматывали катушку с кабелем, другие люди бежали, падали, вставали и снова бежали... Всплыло, заслоняя все, бородатое улыбающееся лицо... чья-то рука, вжимающая и прокручивающая рукоятку «адской машинки» взрывников... Изображение вздрогнуло... Снова лицо бородача, загоревшее до черноты. Камера оператора ушла в сторону и вверх. Ледяная гора, окутанная туманом клубящейся снежной пыли. Вновь темнота. – Профессор Майер сцепил пальцы рук и хрустнул суставами. – На экране появились люди в затасканных кожаных куртках, таких же штанах и собачьих шапках (в одном из них ученые узнали Отто Штольца), стоящие возле большой глыбы льда, в которой просматривался какой-то мутный силуэт. Люди улыбались, о чем-то разговаривали и жестикулировали. Один из них обернулся и указал рукой куда-то вверх. Камера моргнула, скользнула по ледяным обломкам, устремилась снизу вверх по очертаниям горы и застыла на огромном дискообразном стальном аппарате, покрытом коркой нагара и наполовину торчащем из отвесной толщи льда. Экран погас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.